

МИХАИЛ
ПОПОВ



СТРОЮЖЕ

Когда в открытую дверь
квартиры, меня вдруг
мощно и безжалостно
толкнули в спину, я влетел
в прихожую и рухнул вдоль
нее. Дальнейшие события
развивались так быстро,
что я не успевал за ними
слепить мажорам.
За мной с истеричной
скоростью и тихо матерясь
мчались какие-то люди,
матаясь мне за руки
схватили меня за плечи
и бросили в кресло, которое
и я сам предполагал занять.
Свет зажегся не сразу.
В этот момент меня оставило
пыльно-грязное
и очень сильно испугалось.
Пронеслись в голове все
бесчисленные сюжеты об
отравлении квартир
и замученных хозяевах.



"Нехороший"
дедушка

Михаил Михайлович Попов
«Нехороший» дедушка
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654969
«Нехороший» дедушка: Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-4982-6, 978-5-4444-8229-2

Аннотация

К журналисту Печорину обращается сосед по площадке с неожиданной просьбой: поехать с ним на место недавней гибели жены. Однако рядовая поездка заканчивается еще более странной сценой в местном РОВД. Старик вдруг потребовал от начальника отделения майора Рудакова, чтобы тот сознался в преступлении, «иначе майору будет хуже». Кое-как отделавшись от сумасшедшего соседа, Печорин возвращается домой, но оказывается, что неприятности для него только начинаются. Среди ночи к журналисту врываются опера и обвиняют Печорина в соучастии в убийстве майора Рудакова...

Михаил Попов

«Нехороший» дедушка

© Попов М. М., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

* * *

Надо было сразу догадаться, что день будет плохой. Разбудил меня звонок: Василиса. Обрадовала, что «очень продвинулась»: пришел обнадеживающий ответ из Барнаульского архива, там прощупывается важная зацепка.

– Здорóво, – воскликнул я и тут же сообщил, что стою голый на холодном полу перед душевой кабиной.

– Я еще позвоню, – пообещала она. Когда я в самом деле начал раздеваться, чтобы забраться под душ, позвонил Савушка:

– Слушай, дурак, приезжай! – Он рассказал, что сидит сейчас на бережку, вода как стекло, солнце только-только показалось, тишина, птаха чирикнула, рай!

– Приезжай, чего ты там в своей Москве? Одни кирпичи в асфальте.

– Приеду-приеду.

– Да врешь ты все, – он бросил трубку, будто обиделся, хотя такой разговор происходил у нас уже, наверно, в сотый раз.

Бог любит троицу, говорила моя неверующая мама, и была права: третья радость ждала меня уже на улице.

Он увидел меня раньше, чем я его, от встречи было не увернуться. Старик приветственно вскинул трость, и стал призывно работать ею и левой рукой. Скорей ко мне, как я рад тебя видеть!

Удивительный человек Ипполит Игнатьевич! Тридцать лет убежден, что я отношусь к нему с глубочайшим уважением и готов ради него на любые подвиги. Он стоял рядом с мертвой клумбой посреди двора. К этой же клумбе через несколько минут Нина, существо когда-то мною страстно любимое, потом глубоко ненавидимое, а теперь мне безразличное, доставит девочку Майю. Якобы мою дочь.

Не клумба, а лобное место.

Я подошел, старательно подавляя нарастающее раздражение. Ипполита Игнатьевича нельзя было обижать, у него большое горе – пару недель назад во время их с женой загородной прогулки пьяный милиционер сбил своим джипом его жену, Анну Ивановну. Насмерть.

– Женя, вы должны мне помочь.

Он был на себя не похож, хотя внешне и не изменился. Длинная, худая фигура с седой поджарой головой прямо-таки сотрясалась от нервной лихорадки. Таким я его не видел даже сразу после трагедии. Сдержанный, всегда держащий себя в руках счетовод на пенсии. Страшно экономный и аккуратный, одежда на нем старела не изнашиваясь. Он был чисто-плотен, как бы даже не из гигиенических, а идейных соображений: в жизни не взял чужой копейки, и грязь считал чем-то ему не принадлежащим и поэтому ее избегал. Дикая, нелепая смерть супруги его не сломала, просто еще более морально подсушила. Ни инфаркта, ни запоя. А тут такое хождение ходуном.

– А в чем дело?

– Женя, вы должны отвезти меня туда!

Я сразу догадался – на место трагедии. И вспомнил, что дело о наезде развивалось как-то нехорошо. Подмосковные милиционеры конечно же с самого начала стали угрюмо

«отмазывать» своих, и теперь все представляли так, будто Анна Ивановна сама кинулась под автомобиль, проезжавший без превышения скорости и с непьяным водителем за рулем. Обычное дело – никто не хотел отвечать.

– Ну-у, отвезу, только ведь, вы знаете, сейчас дочку привезут, суббота.

Он знал о моих обстоятельствах, и я был уверен, что деликатность победит в нем нервный порыв.

– У меня теперь, поверьте, Женя, особые, совсем особые обстоятельства. Я думаю не только о себе.

– Давайте, я посажу вас в такси, и деньги... – Он мучительно покрутил шеей и ковырнул тростью землю в клумбе.

– Мне нужен не столько транспорт, сколько – свидетель.

О-отли-чно. Чем сильнее я ощущал, что мне не хочется ехать с ним, тем отчетливее понимал, что ехать придется.

В арке проходного двора появилась пара знакомая и неприятная как оскомина. Крашеная, хорошо одетая блондинка лет тридцати пяти, ведет за руку длинненькую девочку лет двенадцати. Обе сосредоточенны, но думают наверняка о разном.

Я выразительно посмотрел в их сторону, надеясь, что старика наконец проймет.

– Мы можем поехать вместе, – нашелся он. Куда подевалась его деликатность?!

– Два свидетеля, – прошипел я и поймал его удивительно несчастный, трагический взгляд.

Нина передала мне Майкину ладошку как эстафетную палочку, и тут же выключилась из игры. Привет-пока, и она уже высокомерно цокает каблуками в обратном направлении. Я подозревал, что она меня дурачит. Сколько я ни присматривался к Майкиному личику, не находил там ничего специфически своего. За неимением семейных альбомов – все сгорело, когда я был в армии, – приходилось привлекать другие аргументы в опровержение навязываемого мне отцовства. Я действовал как Агафья Тихоновна наоборот. Вот если бы нос Маечки вернуть Вадику Коноплеву, а ушки – Рудик-у Гукасяну, прижилось бы? Да, двенадцать с чем-то лет назад в веселые годы моего журналистского расцвета имела место удивительно банальная житейская история. Привлекательная и легкомысленная девушка Нина, избалованная дочь высокопоставленных родителей, встречалась вперемешку и вперемежку с несколькими мужчинами, не зная, кого выбрать в мужа. В результате не выбрала никого.

– Ну, хорошо, поедem, – сказал я, доставая из кармана ключи. Не люблю, когда меня шантажируют. Ни когда этим занимаются почтенные, вредноватые старики в тяжелой житейской ситуации, ни когда это делают всплывшие из длительного небытия бывшие любовницы. Она, видите ли, считает, что это мой ребенок! «А Вадик? А Рудик?» – «Да, были такие, но ребенок твой». – «Но это же легко проверить – экспертиза». – «Не будь козлом». – «В каком смысле?!» – «Их нет. Вадик погиб то ли от цирроза, то ли на Памире. А Рудик сидит. Надолго». – «Почему ты решила, что если их нет, то это автоматически делает меня отцом?! Судя по всему, у тебя могли быть и другие мужики». – «Не будь, говорю, козлом, Женя. От тебя требуется немного – две субботы в месяц». – «А если я откажусь?» – «А вот если ты откажешься – тогда экспертиза. И все алименты за все годы».

В общем, получалось так, что она делает мне почти великодушное предложение.

– Так, Ипполит Игнатьевич, я забыл, это Ярославское шоссе?

– Да, да, Женя, Ярославское.

Риск был тридцать три процента, и я согласился. В конце концов она действительно требовала не столь уж много. Две субботы, и десять дней летом. Чем она будет заниматься эти тридцать четыре дня в году, мне было неинтересно, я это просто знал.

Ипполит Игнатьевич сел рядом со мной.

– Ты меня обманул, – сказала Майка с заднего сиденья. И я отчетливо услышал интонацию Нины. По крайней мере в том, кто мать девочки, сомневаться не приходилось.

Соглашаясь на предложение Ниночки, я даже не представлял, что это такое: день с ребенком. С почти наверняка чужим ребенком. Не очень-то приятным ребенком. Нет, она не носилась как заведенная, не изводила меня своим диким плеером, не капризничала по поводу еды, но ее ехидная самоуверенность в совокупности с моим чувством истерической ответственности за нее, изводили меня.

Когда мы проезжали мимо ВДНХ, я подумал, что скульптура де Голля перед гостиницей «Космос» очень похожа на Иполлита Игнатьевича. Хотел ему сказать об этом, но пожалел старика.

– Ты меня обманул, – вновь заявила Майка. – Крокодил и аллигатор отличаются не потому.

Сделаем так – попробуем извлечь пользу из создавшейся ситуации. Но какую можно из нее извлечь пользу? Будем хотя бы радоваться тому, что мне удалось две грубо использующие меня силы забить в один флакон: выполняя просьбу неприятного, но несчастного старика, и одновременно выгуливая свою якобы дочурку, я совмещаю неприятное с неотвратимым.

– Крокодил живет в Африке, а аллигатор в Америке, – повторил я свою версию двухнедельной давности.

Девочка тихо, но презрительно усмехнулась:

– У крокодила двигается верхняя челюсть, а у аллигатора – нижняя!

Я невольно повернулся к старику: мол, представляете, Ипполит Игнатьевич, срезает нас молодежь, как хочет. А он посмотрел на меня с таким горестным превосходством во взгляде, что я сначала устыдился, а потом разозлился. И в отместку ему вспомнил (про себя, конечно) историю, как его отлупил какой-то подросток в метро. Ипполит Игнатьевич увидел, что тот проскользнул внутрь не заплатив, прилепившись к спине товарища, и не прошел мимо, схватил за рукав – нарушаешь! И тут же получил липким юношеским кулаком по очкам. Интересно, потерял ли он после этого веру в подрастающее поколение, а то ведь сколько раз мне доводилось слышать от него характерный благобред: какая у нас замечательная молодежь! А она, молодежь, сидит вон там сзади и прогрызает мне спину.

– Вы понимаете, Женя, сегодня я получил одну совершенно достоверную информацию, и меня как током ударило или молнией.

– Информацию? Какую, откуда?

– По телевизору.

Нет, кажется, дед все же рехнулся.

– Вы посмотрели телевизор и решили, что я должен немедленно везти вас за город?

– Понимаете, все сходится. И место, и все остальное. И то, что нас с Анной Ивановной с полгода назад потянуло по Подмоскovie путешествовать – тоже рок. Понимаете?

– Нет.

– Я, конечно, потом объясню, это должны все знать. Но, главное, это надо как-то предупредить. Люди могут пострадать сильнее, чем заслужили.

Я ожидал, что он сейчас развернет всю скатерть-самобранку своих версий, а он вдруг одернул себя и затаился в уголке у двери.

– Вам плохо?

Не открывая глаз, он тихонько спросил:

– А мы можем ехать быстрее?

Очень трудно бывает сдержаться после поступления из публики такого вопроса.

– Нельзя. У меня старенькая машинка, ее надо беречь.

– А ты мне и про Мону Лизу наврал, – вздохнула сзади Майя.

– Не помню, что я говорил про Мону Лизу.

– Я спросила, почему ее зовут Джоконда.

– А я?

– А ты сказал, потому что она не Анаконда. Ты думал, что это смешно, а на самом деле Джоконда – просто ее фамилия. И мужа ее.

– Читать вредно.

– Женя, по-моему, нам нужно здесь повернуть.

– По-вашему, нужно, а по правилам – нельзя.

– Если мы не свернем, я не смогу показать вам место.

Я свернул.

И вот мы прибыли на место.

– Давайте выйдем, Женя.

– Мы же спешим.

– Я покажу вам что-то важное.

Когда следственные органы не выполняют своих обязанностей, некоторые потерпевшие сами начинают ползать по месту преступления с лупой. Какие следы он собирается предъявить? Прошли недели, тогда лежал снег, теперь его нет. Бледный ветреный март.

– Идите сюда.

Серые подмосковные домишки, щербатые заборчики, голые яблони, редкая ворона пересекает воздушное пространство поселка. По шоссе сплошным потоком прут фуры, такое впечатление, что они стоят гудящей стеной.

– Смотрите! – Он сунул тростью в сырой воздух, и порывом ветра старика качнуло как флюгер. – Видите?!

– Эту антенну?

За чахлой деревней почти перпендикулярно к гудящей трассе начиналась дорога, кое-как обозначенная редкими голыми деревьями и поблескивающая дорогим асфальтовым покрытием. Она аккуратно перемахивала через невидимую за ивняками речку и огибала холм, очень равномерно поросший высокими, неестественно стройными соснами. Из сосновой толщи поднималось на приличную высоту, метров на шестьдесят-пятьдесят, решетчатое четырехугольное сооружение, наверху которого была прилеплена круглая блямба вроде телевизионной тарелки, но коричневого, военного цвета.

Я ничего не понял, а Ипполит Игнатьевич закричал:

– Это же Кувакино!

– Ну?

Мимо пронеслась очередная фура, обдавая тяжелым выхлопом и снося своим ревом речь старика. Он закричал мне почти в ухо:

– Анну Ивановну сбили здесь, вот на этом самом песке, почти сразу за остановкой. Мы приехали из Клякино. На автобусе. Специально сюда в Кувакино, чтобы посетить. Мы полгода посещаем известные подмосковные усадьбы. Многие заброшены, но все равно интересно.

– Ну и что, это не запрещено, – сказала Майка куда-то в сторону, явно не умея проникнуться настоящим интересом к происходящему.

– Я сразу узнал это место, – торжественно сказал Ипполит Игнатьевич, после того как проползла мимо очередная автомобильная громадина.

Мне было холодно на нечистом здешнем ветру, истерические лучи голого мартовского солнца разбудили мою неврастению, бессмысленность происходящего становилась трудно-переносимой, хотя ситуация, если разобраться, была в мою пользу: старик пусть себе безумствует, зато девочка выгуливается и время идет.

– Я там работал. Я там работал много лет.

Ах, вот оно что.

– Кем? – спросила Майка.

Старик поглядел на нее неприязненно, словно вдруг обнаружил в ней источник каких-то дополнительных неприятностей. Да, а я вот так целыми субботами.

– Это, ну, закрытая информация, девочка.

Ну-ну.

Девочка показала старику язык, но он не заметил.

– Там за холмом – имение графа Кувакина. Огромное... Граф был меценат: театр завел, лаборатории, из Венеции алхимиков выписывал, говорят. Ставил опыты редчайшие. И в театре разыгрывал аллегории – танцы металлов, свадьбы элементов... Я его, конечно, не застал. Потом тут при Сталине был закрытый институт. Говорят, сюда даже сам Тесла навещивался, когда в Кремль приезжал. – Он понизил голос, как будто сообщаемое могло быть подслушано проходящими мимо фурами и использовано ему во вред.

– И вы работали в этом институте? – поинтересовался я, чтобы хоть что-нибудь сказать. Молчание часто выглядит невежливо.

– Да, Женя, да. И вот когда мы с Анной Ивановной набрели на него случайно, я ведь совсем забыл про него – тридцать лет есть тридцать лет – все и началось...

– Что началось?

Ипполит Игнатьевич снова как бы втянулся куда-то внутрь себя, словно испугавшаяся улитка.

– Нас туда не пустили.

– Кто? – оживилась Майка. Кажется, она обожала конфликтные ситуации.

Старик отвернулся, что-то про себя бормоча. Я чуть не выругался.

– Так что, едем в имение?

Ипполит Игнатьевич отрицательно покачал головой:

– В отделение милиции.

Вот этого мне бы не хотелось. Прогулки на свежем воздухе – это одно, а душераздирающие сцены в присутствии представителей власти меня не манили. Впрочем, о том, что я свидетель, он меня предупредил с самого начала. И считает, что я обещал им быть. Да черт с ним.

– Поехали.

Несмотря на субботный день, у отделения РОВД шла обычная жизнь. Впрочем, кто их сравнивал, жизни отделений, в будни и выходные. На стоянке перед одноэтажным зданием с зарешеченными окнами узик и красиво разрисованный синей краской «форд», кучка людей в форме, стоят кружком, курят и смеются. Стоят прямо у стенда: «Их разыскивает милиция». Из отделения вышел какой-то майор и, не глянув на нас, захрустел песочком в направлении «форда».

Не знаю, как кто, а я тоскую в отделениях милиции больше, чем в других казенных заведениях. И знаю почему. Здесь пахнет караулкой, я отслужил двадцать пять лет назад, а запах строевой безысходности все еще сидит в порах памяти. Но в этот раз интереснее было наблюдать не за прустовскими изгибами сознания, а за поведением реальных людей.

Ипполит Игнатьевич решительно вошел внутрь, приблизился к полупрозрачной перегородке, за которой томился дежурный в окружении телефонов, и постучал набалдашником трости в окошко. Окошко в перегородке отворилось. Ипполит Игнатьевич строго спросил, может ли он видеть офицера по имени Рудаков.

– Майор Рудаков только что вышел.

– Мне нужно с ним поговорить.

– А что я могу сделать? – пожал плечами лейтенант.

– Это очень важно!

– Он уехал.

– Верните его!

С каждой новой фразой голос старика становился громче и неприятнее.

Лейтенант демонстративно снял трубку молчащего телефона и отвернулся. Ипполит Игнатьевич еще раз требовательно поработал тростью по стеклу. Дежурный гневно встал.

– Вы что там, гражданин, сдурели?!

Открылась дверь, и вошли двое милиционеров, можно было подумать, что на звук начинающегося скандала, но, скорее всего – совпадение. Они похлопывали своими дубинками по своим левым ладоням, как будто работая на холостом ходу, в ожидании настоящего дела. Милиционеры присматривались. Старик одет хоть и скромно, но прилично, немедленно применять к нему «демократизаторы» вроде бы неловко.

Дежурный вылетел из-за своей стенки:

– Ты чё буянишь, дед?

– Чего ему надо? – спросил один из милиционеров и посмотрел в мою сторону, будто прикидывая, не нужно ли и мне того же.

– Рудакова требует, – пояснил дежурный.

Ипполит Игнатьевич истово кивнул:

– Приведите его! Иначе сами будете виноваты. Я этого не хотел! – Старик почти взвизгнул под конец фразы.

Милиционеры посмотрели на дежурного.

– А где Рудаков?

– Да уехал только что. Приходите, гражданин, попозже. Вечером.

– Я из Москвы, и ждать нельзя. Может, ему уже вообще нельзя за руль садиться!

– Что он несет? – переглянулись милиционеры. – Больной?

– Мешаете, гражданин. – Дежурный рванулся к зазвонившему на рабочем месте телефону.

– Я вас очень прошу, – обратился старик к сержантам с черными палками. Те поморщились. Ситуация была дурацкая.

Открылась дверь, и вошел майор, он вел за руку Майку и снисходительно улыбался. Нет, скорее это она его вела за руку. Черт, я не отследил момент, когда она выскользнула из дежурки. Инициативный, но дискомфортный ребенок.

– В чем дело? – вальяжно поинтересовался майор. Все тихо обрадовались его появлению, особенно дежурный. При появлении погон с большими звездами обстановка у нас обычно нормализуется. Не на этот раз.

– Вы ведь Рудаков?

– Да. – Майор перестал улыбаться.

Ипполит Игнатьевич судорожно вздохнул, потом медленно, сдерживая свое падение упертой в пол тростью, рухнул на колени перед чином:

– Умоляю вас, умоляю!

Майор отнял свою большую, добрую руку у девочки и раздумываяще накрыл ею подбородок.

– В чем дело? – спросил он еще раз, но уже как власть, способная не только мирно поддерживать порядок, но и карать.

Из глаз Ипполита Игнатьевича потекли слезы, причем с разной скоростью.

– Умоляю вас, сядьте в тюрьму, товарищ майор Рудаков!

– А-а, – мощно поморщился офицер и отступил на полшага. Он понял, с кем имеет дело. И я сразу же вслед за этим сообразил, что происходит. – Уберите его отсюда. – Обратился ко мне Рудаков, мгновенно определив, что я имею прямое отношение к ситуации.

Было понятно, что лучше последовать этому полуприказу-полусовету. Я наклонился, пытаюсь взять старика под локоть, но он резко и больно ударил меня своей тростью.

– Товарищ майор Рудаков! Сдайтесь в тюрьму и скорее в суд, вам дадут три года или пять, а то будет хуже: и я этого не хочу. Я хочу, чтобы справедливо. Вы ведь без умысла, вы ведь по пьянству, а Анну Ивановну все равно уж не вернешь...

Очевидно, подчиняясь не замеченному мною сигналу майора, милиционеры технично подхватили старика и повлекли вон с дежурной территории. Он не сопротивлялся, только все время вещал слабеющим голосом:

– Я не виноват, я не виноват, вы все свидетели – и милиция, и вы, Женя... И ты, девочка, тоже запомни, что я не хотел зла товарищу майору!..

Рудаков повернулся ко мне:

– Отвезите его куда-нибудь в больницу, что ли. И не надо ему сюда больше приезжать. Как бы с ним самим чего не случилось... – Рудаков спохватился: – Я имею в виду сердце.

– Понимаю.

Ипполита Игнатьевича удалили из помещения. Майка побежала за ним.

Майор вздохнул. Снял фуражку, затем вновь надел. Начал говорить. С некоторым усилием:

– Следствием установлено точно: вина пешехода. А пить мне вообще нельзя – диабет. И нервы на пределе. Напарника моего, с которым мы тогда были в машине... Он вчера вечером с балкона упал. Семь переломов.

– По своей вине? – спросил я по инерции и понял, что в данном контексте это плохой вопрос.

– Идите, – сухо сказал майор.

Всю обратную дорогу Ипполит Игнатьевич сидел на заднем сиденье и тихо бредил, обращаясь в основном к Майке, видимо, как к представителю подрастающего поколения, которое будет лучше нас, людей зрелых и пожилых, будет более справедливым и честным, и не станет ломиться в метро, не заплатив за проезд.

Я почему-то не испытывал к нему особого сочувствия. Справедливость. В 1989-м или 1990-м году, когда Ипполит Игнатьевич прилично пенсионерствовал с Анной Ивановной в очень хорошей двухкомнатной квартире, мы с мамой жили рядом в коммуналке с целым пьяным малинником. Мама, как самая молодая из старых коммунисток околотка, возглавляла местный совет ветеранов, проводила политзанятия, навещала неходячих подполковников и метростроевцев, делила оскорбительную «пищевую добавку», поступавшую с самодовольного Запада, предельно честно распределяла билеты на праздничные концерты и последние гэдээровские гарнитуры, выделяемые сверху. Все эти распределения происходили «по справедливости», жребием. За все годы ее «правления» нам достался только электрический чайник. И вот в самом конце советской власти мама пошла на разовый должностной подлог, сделала так, что мы выиграли стиральную машинку «Юность». Строго говоря, ей полагалось что-то вроде должностного бонуса, так как она покидала свой пост. Могла просто взять себе эту несчастную открытку, никто бы не возразил. Но она хотела оставить кристальную память о стиле своего руководства и поэтому микроскопически сжульничала при вытягивании бумажек с номерами. Мы получили стиральную машину. Но непреклонный Ипполит Игнатьевич добился справедливости, манипулирование было раскрыто им. Нет, шума он не поднял, он просто вынудил маму тихо вернуть технику. И приватно прочитал нотацию: как же вам не стыдно менять незапятнанную честь коммуниста на бытовой прибор? При «переигрывании» машинка досталась ему, но он принципиально отказался от нее. Я до сих пор не понимаю – зачем тогда участвовал в розыгрыше? Машинка так и пылилась в совете ветеранов возле сейфа, пока помещение не отобрали под магазин. Иной раз думаешь: а где ты «Юность»?!

Пожалуй, именно после той истории старик и вообразил, что является для меня, невольно посвященного во все перипетии этой античной драмы, непререкаемым моральным авторитетом, колоссом морали – я же был свидетелем и его расследования, и его отказа от стиральной машины.

Мы с Майкой доставили его до самой квартиры, проследили, чтобы он вошел, и дождались, пока щелкнет замок.

– Понимаешь, тут такая история... – начал было я объяснять девочке, придумывая по ходу, что бы такое соврать, дабы не слишком травмировать детское сознание.

– Да понимаю я все, – махнула она рукой, хотя, что имела в виду, понять было нельзя.

Надо ли говорить, что Нинон опоздала на полтора часа, и пришлось нам сидеть в дешевом кафе, проедавая последние деньги на мороженом. Нормальные дети, насколько я мог вспомнить, избегают всякой еды, а эта смолотила четыре порции и все советовала мне:

– А чего ты не возьмешь себе выпить, ведь тебе явно надо. Я разрешаю!

Я закусывал газетой, то и дело соскальзывая взглядом с букв на цифры своего хронометра.

– Что пишут? – поинтересовалась Майка, жадно облизывая голую ложку.

Чтобы заткнуть ей рот, я начал рассказывать о том, что в Москве участились случаи избиения музыкантов в подземных переходах и метро.

– Давно пора, – сказала Майка.

И я согласился, не показывая ей этого. В самом деле, иногда невозможно спуститься под землю из-за какого-нибудь жалобного нытья или бреньканья. Стоят и воют безголосо: «Пе-ре-мен требуют наши сер-дца!».

– Поубивала бы я таких музыкантов.

И это было бы правильно! Вот почему-то захватывать городскую территорию запрещается, рекламный щит где попало не повесишь, даже с загазованностью борются, а вот загаживать город звуковой грязью можно. Город и так свалка шумов. Но шумные машины хотя бы везут нас куда-то, а эти певуны-скрипачи еще и денег требуют за свои звучащие помои. Я не успел додумать эту мысль, появилась Нина.

Она теперь не так меня раздражала, как тогда, двенадцать лет назад. Не встречал людей, которые бы так плохо умели скрывать свое высокомерие. Даже отдаваясь, она умудрялась смотреть на меня сверху вниз. Нет, сказал я себе, не начинай. Перегорело, остыло, развеялось по ветру. Теперь Нина всего лишь похожа на человека, умеющего держать удар. Жизнь вышвырнула ее из седла, так она делает вид, что всегда мечтала ходить пешком. Пусть.

Она тоже жадно съела две порции мороженого в кафе – так ест реально голодный человек, как мужик вернувшийся с работы. Мы с ней не перемолвились ни словом, просто присутствовали при Майкиной болтовне. Та подробно рассказала историю о загородной поездке в милицию. Я ждал, что сейчас начнутся поучения мамыши, мол, РОВД – не место для прогулок с ребенком. Но Нина промолчала.

Майка напоследок спросила у меня загадочно:

– А знаешь, что самка богомола делает со своим самцом?

– В следующий раз расскажешь.

Я ненавижу вечера встречи выпускников. На них ходят или те, кому есть чем похвастаться, или те, у кого дела так плохи и так давно, что им все равно, что о них подумают. Вот Петрович старается не пропускать эти мероприятия. Любит ненавязчиво покрасоваться, «блеснуть добродушием», проявить заботу в самые разные стороны. Сколько помню, его всегда звали именно Петровичем, уже с первого курса, хотя он был старше нас, «школьников», всего на три-четыре года, но в разы превосходил жизненным опытом – армия, метро-

строй. А мы всегда к нему льнули за подмогой и советом. Я сам сколько раз спасался от голодной смерти его жареной картошкой в общаге, и с тех пор тащусь как пришпиленный к его жизненной линии. Отруливал, правда, на несколько лет, когда после третьего курса потащился из нашего химического вуза в журналистику, но в конце концов меня снесло в сферу его влияния. Последний раз мы столкнулись на выставке торгового оборудования в Сокольниках, где я в качестве репортера представлял им один ведомственный листок. Он обрадовался. Сели отмечать встречу прямо у него на стенде в задней комнатке, а закончилось все ночью, в новом тогда, только что отремонтированном офисе. Все было готово, только вывеска над входом не горела.

– А как называется конторка? – спросил я умеренно развязно.

– «Акрополь»! – гордо отвечал Петрович. Я никогда не догадывался прежде, что, будучи человеком исповедующим философию «здесь и сейчас», он тайно сходит с ума по всякой античности, мало чего зная о ней. Из последующего разговора выяснилось, что Петрович, как и я когда-то в детстве, мечтал стать археологом. И я понял, почему нас тянет друг к другу – общая несбывшаяся мечта. Причем для него она не сбылась сильнее, чем для меня – я все же хотя бы гуманитарий. С позиций этого очень относительного превосходства я и хихикнул:

– А почему не «Некрополь»?

Петрович нахмурился. Он понял смысл шутки, но явно не понимал, откуда взялся повод для нее. И пришлось ему объяснить, что торговый дом называть «Акрополем» не стоит. Это место в Древних Афинах было зарезервировано исключительно для храмов – Парфенона и еще какого-то, поменьше. Никому бы в голову не пришло там торговать.

– Так получается, что эта вывеска глупо выглядит? – спросил Петрович и допил остатки «Курвуазье» прямо из горла.

– Ну, умные люди будут смеяться, – выразился я, как мне тогда показалось, мягко, даже уклончиво.

Петрович, больше ничего не говоря, швырнул тяжелой бутылкой в темные неоновые буквы.

Мы переночевали в офисе на роскошных, но неудобных диванах, а наутро он велел мне придумать красивое, «несмешное» название. Я напряг похмельные мозги. Петровичу, разумеется, хотелось чего-то исключительно античного.

– Марафон. Саламин. Пелопоннес, Истм, Спарта, Фаланга...

Петрович мрачно слушал, шумно потягивал кофе и отрицательно мотал головой.

– «Марафон» – подумают, что спорттовары. «Спарта» – вылезает сразу Прага. Что, у нас тут чешское пиво? «Фаланга» тоже не годится.

– Почему?

– Как будто фаланга пальца, решат, что мы по медицине. Протезы делаем. А «Истм» – совсем глупо.

– Почему?

– Слишком коротко и похоже на «изм». Хватит с нас «измов». Отпугнем. Вот «Саламин» – как-то красиво и непонятно.

– Нет, – я отрицательно помахал рукой, – Саламин не подойдет.

– Почему? Ты же сам предложил, – в этот раз поинтересовался он.

– Зря предложил. Там битва была. Морская. Подумают, что ты торгуешь авианосцами.

– А что такое Истм?

– Ты знаешь, – кажется, речка. Или перешеек.

Петрович поморщился.

– Вот, ты всегда так: креатива сколько хочешь, а конструктива – ноль.

Мне было неловко, я попытался смягчить ситуацию...

– Знаешь, на Москве огромное количество таких глупостей.

– В том смысле, что я не один такой дурак?

– Ладно тебе обижаться. Вон на «Метрополе» висит название – ресторан «Луксор», а на вывеске пирамиды.

Петрович вздохнул.

– Ну и что?

– А то, что пирамиды в Гизе, возле Мемфиса, а Луксор – на юге, в тысяче километров, не меньше. И это Фивы, другая столица.

Он опять вздохнул.

– И кому до этого какое дело?

– Глупо, дикость темная. Это все равно что на вывеске ресторана «Санкт-Петербург» нарисовать храм Василия Блаженного.

С этого разговора все и началось. Петрович придумал для меня оригинальный бизнес. Я ядовито высмеял в нескольких газетах вывеску на «Метрополе», и власти отеля ее спешно заменили. То же случилось и с кафе «Грааль» недалеко от меня на Яузе у Преображенки и сетью закусочных «Япошка», владельцы которых в срочном порядке вынуждены были изъять суффикс «к» из названия ради соблюдения политкорректности. После этого Петрович дал объявление в «Из рук в руки» и другие информационные развалы, о том, что появилась качественная и дешевая служба, гарантирующая начинающих коммерсантов от того публичного позора, которому подверглись владельцы вышеуказанных фирм. Короче говоря – идите к нам для получения качественной, ответственной экспертизы.

Ну нельзя же в самом деле называть продуктовый магазин «Кураре». Был такой, до моей статьи в «МК» в районе Полянки.

Петрович выделил мне в своем торговом особняке – получившем название «Коринф», – отдельную комнату и организовал промоушен среди своих друзей-коллег. То были времена бурного роста самых разных бизнесов, реальных, фиктивных, преступных. Должен был появиться и такой, как у меня. Я называл его интеллектуально-надстроечным, Петрович сравнивал его с работой теток, что развозят горячие обеды и чай торговкам на Черкизовском рынке. Я не обижался. У меня был постоянный, надежный кусок хлеба, пусть и с очень тонким слоем масла.

Я получил не только комнату, но и стол, малопоношенный компьютер и вертящееся кресло. Просил еще и секретаршу – именно эта деталь венчает в моем убогом представлении о мире картину под названием «Жизнь удалась», но Петрович сказал, что это за свой счет. А к своим «девочкам» приближаться запретил настрого.

Очень хорошо помню своего первого клиента. Интеллигентного, немного угарного вида, с блеском предпринимательского азарта в глазах. Он начал с вопроса, почему, собственно, кафе «Грааль» – это недопустимо и так уж безвкусно.

– Вы же читали статью. Граалем называли чашу, в которую Иосиф Аримафейский собрал капли крови Христовой, так что получается, что посетителям заведения предлагают выпить не вина или водки, а... – и так далее, минуты на три. Я хотел блеснуть, хотел завлечь клиента, доказать, что он не зря потратит свои денежки.

Он слушал как зачарованный. Не то чтобы я великий оратор, просто тема поразительно интересна. Потом он поблагодарил меня, вежливо попрощался и ушел. Не расстегнув бумажника.

Первую свою консультацию, таким образом, я дал бесплатно.

Потом, конечно, я стал умнее: разработал хитрый договор, ввел предоплату – ведь работа мозга начинается с того момента, когда становятся известны параметры задания.

Жизнь какое-то время казалась мне сказкой.

Я или ненапряженно, в свое удовольствие и за приличные деньги умствовал в подвижном, словно моя собственная мысль, кресле, или просиживал в буфете «Коринфа», где меня все называли, почти всерьез, «профессором». Единственное, что могло отравлять радость существования, это мысль о том, что мой самостоятельный бизнес абсолютно не самостоятелен и без связей Петровича и его щедрого ко мне отношения я был бы не в состоянии его ни завести, ни вести. Но даже эта мысль существования мне не отравляла. Мы отлично ладили, я лишь отказывался посещать те самые вечера выпускников, потому что неизбежно стало бы всем понятно, что я всего лишь клевет Петровича. Каждый раз приходилось поломать голову над убедительной причиной для отлынивания.

Сегодня же я могу спокойно туда отправиться, потому что Петрович меня выгоняет с бесплатной жилплощади, и, значит, мы с ним на равных.

Почему выгоняет? – кризис. Мой «Зоил» был типичным примером абсолютно непрофильного актива.

Первое, чем фирмы жертвуют во время кризиса, это рекламные бюджеты. Не до новых вывесок. Когда пошел третий месяц простоя, Петрович сказал мне, что он не в состоянии содержать мой «интеллектуально-надстроечный» ресурс и собирается сдать мою комнату за деньги.

Последний мой клиент мне также запомнился. Это был пузатый, рябой человек, собиравшийся вложить деньги в Центр художественного творчества для детей с задержкой развития. Он хотел узнать, подойдет ли для такого заведения название «Тадж-Махал».

О, великий «Тадж-Махал»! Это словосочетание – самое популярное в вывесочном смысле в нашем мегаполисе. Неплохо было бы исследовать вопрос – почему? Только кто же этим займется, если даже мою контору закрывают.

«Тадж-Махалом» у нас называют игровые клубы, танцевальные заведения, даже рестораны. А ведь настоящий Тадж-Махал – это мавзолей, построенный одним великим могольским султаном для своей возлюбленной. Усыпальница. Только очень красивая. Место пролития слез. Так что ни танцевать под такой вывеской, ни питаться не может быть уместно. Центр художественного развития для детей с задержкой развития? Не знаю. Я предложил толстяку подумать. Он заплатил положенную (уже к тому времени втрое урезанную) сумму, я выдал ему распечатку своей аргументации.

Он пробежал ее глазами и укоризненно заметил мне, что я пишу с ошибками.

– Что вы имеете в виду?

– Слово «монгол» пишется через «н», а не без него.

После чего он ушел с победоносным видом, и я подумал, что у центра детского развития с сегодняшнего дня есть название. И оно несомненно – «Тадж-Махал». О, великий Урангзед и все Великие Моголы...

Не успел я додумать свою ироническую мысль, в комнату вошел Петрович:

– Ну, поехали.

Когда я закрыл дверь, к ней тут же подступил прыщавый парень и хищно вцепился отверткой в шуруп на табличке: «Фирма “ЗОИЛ”». Кстати, а я ведь так и не узнал, из какого он города был родом, этот критик. Вот если бы из Коринфа...

Я думал, что Петрович будет молчать в машине по дороге к причалу. Встреча наша по традиции должна была произойти на теплоходе, из тех, что курсируют по Москве-реке. Несколько богатееров из числа бывших и разбогатевших химиков скидывались, чтобы в день открытия навигации устроить запоминающееся представление для своих однокурсников. Петрович мрачно заявил сегодня утром, что с этого раза он переходит из разряда доноров в другой разряд.

Так вот, несмотря на скверное настроение, молчать он не стал.

Сначала посоветовал мне сделать то, что я и так для себя наметил.

– Ты поговори там на корабле – может, у кого-нибудь заваялось местечко. Конечно, тебе эту клюкву с дурацкими вывесками никто оплачивать не станет.

– Да нет, я и в ночные сторожа готов.

– Это правильно, ты мыслишь как баба. – Я не успел обидеться, он пояснил: – Женщинам почему-то легче перестроиться. Вчера была главой фирмы, завтра идет работать посудомойкой, и без всякого трагизма. А мужики ломаются, в том смысле, что пополам. Тоска, водка...

Не углубляясь в эту тему, он спросил меня о дочке.

– Да в том-то и дело, что никакая она мне, возможно, и не дочка.

– Дурак, – сказал Петрович. – Дети, они должны все же быть.

– У меня такое впечатление, что Нинка специально ее инструктирует против меня, чтоб все время тыкать вопросами как иголками. Она сама в свое время считала меня плебеем, и теперь через девчонку подтверждает это свое отношение. А девочка – маленький робот такой. Мститель. Как будто я до сих пор в чем-то виноват.

– А ты не виноват?

– Ну, я же тебе рассказывал. Девушка она была слишком без комплексов. Я ее в таких ситуациях видел... При чем здесь дети?

– Дурак, – повторил Петрович и добавил еще более весомо: – Без детей голо, дети – главное богатство.

– Ты прямо дон Корлеоне, – парировал я и перевел разговор на более интересную тему – рассказал о случае с Ипполитом Игнатьевичем. Подробно, со вкусом. Я полазил, как говорится, по Интернету и выяснил, что не все рассказанное морально раненным дедушкой чепуха. Имение графов Кувакиных не выдумка, и репутация Александра Ивановича Кувакина – масона, алхимика, электроиспытателя, духовидца и пр., среди знатоков общеизвестна. И институт «напряженных биотоков» при ведомстве господина Лаврентия тоже не выдумка, и помещался он как раз на территории имения.

– Тогда с этим много экспериментировали. Необъявленное воздействие на психику человека, поиски какого-то там особого знания. Был такой Барченко, он требовал немедленно искать Шамбалу-мандалу, запитаться оттуда как-нибудь.

– Это же Гитлер хотел, – зевнул Петрович.

– Ну и Гитлер тоже. Барченку этого потом, естественно, грохнули.

– Оккультизм, – опять зевнул Петрович.

– Правда, сейчас там обыкновенный оздоровительный центр. С правильным названием – «Аркадия». Античный рай.

Однако товарища этой историей я не заинтересовал и не только не заинтересовал, но и не сбил с мысли.

– А ты дочку не отталкивай, пожалеешь. С годами. Или раньше.

Я сделал вид, что не слышу этого назойливого совета. Да, мне уже сильно за сорок, но у меня нет ни малейших переживаний по поводу того, что я бездетен. По крайней мере официально.

Вечерело.

Белый теплоход стоял у гранитной пристани, похожий на вытянутый, украшенный свечами торт. Слежавшаяся за зиму вода едва-едва волновалась, как спросонок, покачивая на маслянистых выступах полосы разноцветного света. В музсалоне уже ворочалась какая-то музыка. На палубах виднелись человеческие фигурки с бокалами в руках. Общая обстановка была вдохновляющая. Может, я и зря кочевряжился в прошлые годы, – сколько разного вкусного не выпито над вечереющей рекой по причине ложной гордости!

Однако и сегодня мне не рекомендуется что-то там наверстывать. Фактически, я тут на работе.

Мы расстались с Петровичем, как только миновали трап. Он побрел на нос, я на корму. И у первого же официанта столкнулся с Любашей Балбошиной. Я бы ее не узнал, если бы ее не окликнули откуда-то сверху. Когда-то это была тоненькая синеглазая, с крупноватым лицом девушка. И чуть крупноватой для ее бедер грудью. Этаким американский вариант. При первом же взгляде я понял, что все эти годы в ней изменялась только грудь. И теперь передо мною стояло фантастическое существо в узких белых брючках, на высоченных острых каблуках, в трехцветном ангорском свитере. Параметры – 120—90—60. А глаза по-прежнему синие, губы сочные, очень накрашенная, но приятная улыбка. Она держалась уверенно, как бы даря свою красоту окружающим. А кто его знает, может, пока я поливал серной кислотой рекламные замыслы несчастных предпринимал, каноны женской красоты мутировали?

Меня она узнала сразу, и тут же показала, что никакой дистанции между нами нет, надо сразу же поцеловаться и выпить. Я только еще обдумывал, как бы, не оскорбляя дружеского характера встречи, подобраться к деловому разговору, как она сама уже наезжала на меня с предложением.

Оказывается, у нее были три маленькие – номеров на десять – двадцать – «гостинички» в центральных московских местах.

– Пансионы? – поддержал я разговор.

Она махнула рукой, можно, мол, и так называть. Контингент солидный, дамы при деньгах, есть пары из провинции, приехавшие «для культурного уровня и вообще».

– Так вот у меня к тебе предложение.

Я с трудом удержался, чтобы не хрюкнуть от неожиданности.

Предложение заключалось в том, чтобы «устроить вечер» всей этой тихой тусовке, как-нибудь вечером. Застолье, свечи, разговор тонкий о высоком. Понятно, этаким коллективный интеллектуальный жиголо.

– Они всего такого сильно хотят, но сами стесняются, надо только немножко раскошегарить.

– А с чего ты решила...

– Ты у нас всегда умел побалаболить на любые темы. Капитаном был в кавээне, забыл? Им много не надо, только чтобы было солидно, пристойно – как у Агаты Кристи. И чтоб не поняли, что ты подстава. Все сидят в зале в креслах, играет камин, разносят шампанское, и тут ты: а помните, как это у Шопенгауэра? Сейчас это последний писк на Москве – такие пансионы. Смокинг от заведения.

– А почему ты решила, что у меня нет смокинга?

– Я с закрытыми глазами могу определить человека, у которого нет смокинга.

– А почему ты решила, что я умею носить смокинг?

Она протянула мне платинового цвета визитку, я взял.

Некоторое время размышлял, считать ли это предложение унижительным. Допил шампанское и решил считать его лестным. Значит, еще на что-то гожусь. Правда, когда я был капитаном, наша команда проиграла, и меня больше в капитаны не звали.

На верхней палубе обнаружил пару парней, одетых много лучше моего, но куда более пасмурных – вариант Петровича. Мультимиллионеры, ставшие просто миллионерами. Лица вроде знакомые. На всякий случай поздоровался. Они ответили так, словно раздумывали, кто я такой.

Очень хорошо, что в углу за привинченным столиком я увидел Лолитку Обломову, уж ее-то я узнал бы всегда. Ангел, сущий ангел. Не красивая, чтобы ах, но милая-милая без слащавости, союзник во всех хороших делах. Чем ближе я подходил, тем очевиднее становилось, что ангел сильно осунулся. Насколько помню, она была из очень простой семьи.

Лолитой ее называли не в честь Набокова, а в честь латиноамериканской певицы. Откуда такая фамилия – не знаю.

Она мне обрадовалась. Справа и слева от нее сидели две парочки занятых друг другом гостей, а ей было выделено чистое одиночество. Я уселся рядом.

В отличие от Любаши она для начала поинтересовалась моими делами, искренне, а не из вежливости. Что я мог рассказать! Моему узаконенному, и даже оплачиваемому пересмешничеству приходит конец. Лолита вздохнула, сказала, что находится в подвешенном состоянии. Сотрудничала с одной голландской организацией, не фирмой, да, собственно, и сотрудничает.

– Они подписали со мной договор. Моя квартира становится их рабочей точкой.

– Что это значит?

– Я работаю с бездомными. Только с девушками. Они приходят ко мне днем, исключительно днем. Помыться, обстираться, чаю попить. Никаких наркотиков или алкоголя на моей территории, такой закон. Даже иногда прошу не курить. Они соблюдают. Их польза. Сам знаешь, какие условия зимой на улице.

Откуда мне знать, ни разу не ночевал в теплотрассе, но ладно.

– А твоя какая выгода?

– Мне бесплатно доставляют моющие средства и дезактивирующие.

– А деньги?

– И деньги.

Понятно. В принципе почти тот же профиль у бизнеса, что и у Любаши, только клиентура пониже классом.

– А твои – сын, невестка?

– А они же живут отдельно. Правда, к внучке неохотно пускают. Зовут меня мадам Герпес.

Да-а, тут даже смокинга не предложат.

Пользуясь тем, что Бобер взял микрофон, я от Лолиты отвалил. Не люблю благотворительности, особенно ей подвергаться. Согласен с Лениным: при словах «бесплатный суп» рука должна тянуться не к ложке, а к булыжнику.

Бобер – главный на корабле. Это он дает большую часть денег для организации круиза и задает тон встречи. Я ждал, что он публично погрузит, упомянет о трудностях экономической ситуации и извинится за урезанное меню. Ничего подобного – господин Бобров сиял. По-моему, ему даже нравилось, что на этот раз он платит за все, и всякие Петровичи отвалились, и он может блеснуть в одиночестве. Он заявил, что на теплоходе «Китеж», на котором нам всем пришлось оказаться, будет даже интереснее, чем на предыдущих кораблях. В частности, задуман аттракцион «оживление музыки», и перед нами будут петь некоторые рок-идолы прошлого собственными персонами.

– Бобер где-то еще срубил бабла, – услышал я уважительный голос за спиной.

– Нет, просто живая музыка стала дешевле, – отвечал другой ехидный голос.

Я думал о своем, о профессиональном. Зачем было так называть теплоход, написали бы прямо – «Титаник».

Не знаю чему это приписать – наступившей ли полнейшей весенней темноте или веселящей речи нашего лидера, мне долго не удавалось ни с кем из собеседников выйти на уровень хотя бы частичной откровенности. Все отделялись шутками – дежурными или глупыми, и улыбками – виноватыми или снисходительными.

Ничего, сказал я себе, нужна, как говорится, перезагрузка. Отойдем вон туда к бортику со стаканом вот этого чего-то крепкого. И полюбуемся набережными видами. Через пятнадцать минут нырнем в человеческое море по новой, оно должно стать другим.

«Китеж» был довольно современным судном, так что работа двигателя практически не ощущалась, добраться взглядом до воды, из-за всяких световых эффектов, затеянных на борту, тоже было трудно, так что возникало ощущение полета в черной невесомости, особенно если далеко перегнуться за перила.

За спиной квакала в микрофон и приседала какая-то молоденькая девушка, и слов, слава Богу, было не разобрать. А потом выяснилось, что их вообще не было – она и впрямь только квакала. Зато с нижней палубы, как пузырьки со дна бокала с шампанским, стала поступать информация. Разговор шел о погоде. Или о политике.

– Сегодня слышал в эфире Евро-ньюс собственными ушами: «Над всей Испанией безоблачное небо».

– Да-да, я тоже слышал, что сегодняшний день идеален в смысле нормы. И температура, и давление, и влажность. Причем, не только у нас.

– Я тебе не про то.

– А я про то. Никаких отклонений от климатической нормы. Природа как будто прислушивается – что это мы, люди, затееваем.

– «Над всей Испанией безоблачное небо» – это был сигнал для Франко. В 1936 году. Или от Франко...

– Не знаю, как там в Испании...

Я не дослушал, меня плотно хлопнули по спине. Оборачиваюсь. Юра Сагдулаев. Тоже, как и я, бросил химию ради журналистики, только с большей выгодой для себя. Взгляд лоснится, душа, видимо, тоже, в другой обстановке он вряд ли ринулся бы ко мне – кивнул бы издали, да и всё. Его еженедельник в свое время имел некоторые проблемы в связи с моей издевательской публикацией по поводу страховой компании «Гефест». А я ведь всего лишь указал, что греческий Гефест – близнец римского Вулкана, а такое название не совсем подходит для фирмы, обязанной олицетворять стабильность и надежность. «Гефест» якобы подавал в суд: мол, процент клиентов отшатнулся. Врал Юра тогда, как мне кажется, хотя кто знает.

– Ну, санитар рекламного леса, усмотрел еще какой-нибудь гниющий слоган?

Я сделал вид, что считаю вопрос риторическим, чокнулся своим стаканом об его стакан. Мы оба сделали вид, что выпили. И он повторил свой вопрос, слегка его перемонтировав, и я понял, что он не шутит, он всерьез интересуется, не приду ли я снова к нему со своей антирекламой. Тогда за публикацию по «Гефесту» Петрович прилично отвалил Сагдулаеву. Что это получается, не я у него, а он у меня ищет заработка? Как всегда в ситуациях, когда нечего сказать, я говорил долго. Про то, что нахожусь в творческом поиске, возможно, скоро ошастливлю, так что пусть они там у себя расчищают полосы.

Он стал смотреть мимо меня на проплывающее мимо здание Белого дома, которое отсюда с реки и в это время суток выглядело как неуклюжий призрак.

– Знаешь, а мне кажется, что я вижу следы.

– Что?

– Следы от танковых снарядов. Знаешь, как фотоаппарат показывает то, что не видит простой глаз, так и это освещение как будто дает такой эффект. Видно, куда попадали.

Я повернулся из вежливости и посмотрел. Ничего не увидел, но согласился про себя, что у Юры основания для таких галлюцинаций есть. Совесть свербит. Тогда в 93-м он ярче многих радовался этой бомбардировке. Хотя откуда у газетчика совесть.

– Знаешь, – сказал я почему-то, – не знаю как с антирекламой, но один сенсационный материал у меня, возможно, скоро появится.

Он ласково кивнул и куда-то отвалился в общее веселье. Последние мои слова он счел словами вежливости. А я, честно говоря, и сам до конца не знал, что имею в виду. Не историю же с Ипполитом Игнатьевичем.

Я сделал тур по кораблю, раскланивался с малознакомыми, высматривал знакомых. Несколько раз видел Петровича, и все время в одном и том же сюжете: разговор с Бобром. Менялась только мизансцена. Бобер то сидел, то стоял, то пил, то слушал в другое ухо еще кого-нибудь. Мне было неприятно, сказать по правде. Я привык видеть старого друга источающим блага, покровительствующим, уверенным в себе, а не в качестве назойливого просителя. Ему, судя по всему, было настолько плохо, что я совсем перестал на него сердиться за уничтожение моего «Зоила». Я пошел на другой борт, там как раз было в этот момент интересно: мимо проплывал другой ярко веселящийся теплоход. Почему-то это событие вызвало бурную радостную реакцию на обоих бортах, как будто это была встреча в океане после месяца одиночного плавания. Кто-то из «наших» сбегал в подсобку к официантам, вернулся с двумя бутылками шампанского, сунул одну бутылку мне и велел вместе с ним салютовать встречному. Залпа, конечно, не получилось и пенных фонтанов тоже, шампанское было холодное, но зато мы с мужиком этим познакомились.

Вернее, узнали друга.

Петя Плахов. Кажется, так его звали. Только он очень изменился со студенческих пор. Не потолстел, не похудел, не отрастил усы, а преобразился, если так можно брякнуть, внутренне. Он вспомнил, как мы на втором курсе бежали в одной эстафетной команде за факультет. Мы тогда потеряли палочку, но зато сегодня есть что вспомнить.

– Пошли со мной, – сказал он тоном человека, уверенного, что его приказ будет выполнен. Отдал шампанское поклонившемуся официанту и повел меня каким-то особым путем через нижние палубы и вывел к двум шезлонгам, что стояли в уютном закутке на самой корме, из-под которой валили буруны сумрачно-белой пены.

Мы сели, Петя достал из внутреннего кармана пиджака металлическую фляжку, отпил первым сам, с таким видом, словно хотел продемонстрировать – не отравлено. Я сначала удивился, а потом вспомнил чей-то рассказ – Петя-то у нас из органов. Точного названия службы я не помнил и о звании лишь догадывался, но, думаю, не меньше полковника. Я отхлебнул и зажмурился. Не знаю, что там было внутри, но думаю, что если бы я попробовал это без предварительной демонстрации Плахова, то был бы уверен – меня хотят убить этой жидкостью.

А потом сразу стало хорошо. Очень хорошо. Может, наш Петро служит в какой-нибудь секретной алкогольной организации и сейчас выдал мне питьевой государственный секрет? Только я подумал о секретах, как он стал мне их выдавать на самом деле. Пошли фамилии, должности, звания, названия операций, секретных объектов. Я тут же протрезвел.

Зачем мне это?

И зачем он это делает?

Скоро стало понятно, зачем. Его, кажется, обошли с назначением, которого он ждал последние пять лет, и всю предыдущую секретную жизнь.

– Должность у меня и так генеральская, но все равно мне плюнули, мне плюнули в сердце. – Он стал рассказывать, насколько важно, чтобы именно он занял то кресло, которое, судя по всему, не займет. Какие у него наработки и идеи. И наработки впечатляли, и идеи выглядели интересно. И мне было искренне непонятно, почему с Петей так обошлись.

Мы отхлебнули из фляжки и второй, и третий раз.

Да-а, окидывал я восхищенным внутренним оком очертания и размеры тайн, в которые оказался вдруг посвящен. Мой партнер по эстафете и портвейну «Акстафа» вполне мог оказаться во главе всей российской секретной науки.

Главное, я перестал его бояться, его и его тайн. Я даже жалел его.

– Это из Думы гадят, есть там один такой комитетец.

– Эти могут, – соглашался я, чтобы другу было легче.

Мы глотнули еще немного.

– Слушай, а почему мы так редко встречаемся? – спросил он, кажется, всерьез озабо-
тившись этим моментом.

– Давай созвонимся, – естественно, откликнулся я.

– А-а! – Ему понравился мой план своей неожиданностью, он полез в карман, достал
оттуда еще одну фляжку. Слава Богу, она оказалась уже пустой. Отслоил от нее прилепив-
шуюся визитку и вручил мне. Я принял ее благоговейно, тут же спрятал в карман и сказал,
что у меня с сегодняшнего дня временно нет координат.

– Все равно звони, – сказал он. И встал, чтобы идти наверх.

Я тоже встал.

– Петя, можешь быть спокоен: я ничего никому не расскажу...

Он махнул рукой и начал рассовывать фляжки по карманам и все не попадал.

– Можешь говорить кому хочешь и что хочешь. У нас свобода слова.

Мы отправились в обратный путь по всем этим путаным лестницам. И когда мы под-
нялись на палубу, я вдруг с интересом осознал, что совершенно не представляю себе, о чем
у нас шла речь там внизу, на шезлонговой палубе. Даже если бы я имел твердый умысел на
предательство, то не смог бы его осуществить. А ведь не особо и пьян.

Меня грубо хлопнули по плечу. Оборачиваюсь – Петрович.

– Поехали отсюда, – сказал он загробным голосом.

Я хотел спросить, в чем дело, но мне было стыдно спрашивать о том, что я и так знаю.
Не люблю притворяться, если только передо мной не привлекательная женщина. А сейчас
надо промолчать.

– В чем дело, Петрович?

– Хотел продаться – со всеми потрохами, за, в общем-то, копейки. А он мне шиш без
масла!

– Отсюда никак не уехать – вода.

Дом у нас хороший, но немного странный, построен руками цветоводов. В начале 60-х
на Лосином Острове были громадные тюльпановые и гвоздичные теплицы, а рядом бараки
для рабочих, а потом рабочим разрешили построить для себя кирпичную пятиэтажку в сво-
бодное от основной работы время. Следы работы непрофессионалов ощущаются до сих пор
– ни одного полностью прямого угла в квартире. С годами исконные цветоводы повывелись
из наших подъездов, их место заняли в значительной степени азербайджанцы. Недавно я
видел соседа сверху Рафика на Преображенском рынке, и что забавно – торгует цветами.
Кроме того, в песочницах вокруг дома полно азербайджанских детишек, а дети, как все
знают, – цветы жизни. Так что первоначальные традиции дома продолжают, хотя и в таких,
не прямых формах.

Шофер Петровича подвез меня к самому подъезду, но я, дождавшись, когда он уберет
свои фары из нашего двора, пошел в ночную лавку и купил там две банки джин-тоника,
чтобы возместить себе частичное воздержание на корабле. Сейчас включу запись матча Рос-
сия – Голландия на чемпионате Европы, и тихо посижу в кресле, не глядя даже на экран.

Когда я открыл дверь квартиры, меня вдруг мощно и безжалостно толкнули в спину, я
влетел в прихожую и рухнул вдоль нее. Дальнейшие события развивались так быстро, что
я не успевал за ними своими мыслями.

За мной с истеричной скоростью и тихо матерясь влетели какие-то люди, схватили
меня за руки, втащили в комнату и бросили в кресло, которое я и сам предполагал занять.
Банки из рук повыбивали, защелкнули наручники. Свет зажигать не стали. В этот момент
меня оставило пьяно-игривое настроение – я очень сильно испугался. Пронеслись в голове
все бесчисленные сюжеты об ограблении квартир и замученных хозяевах. Денег в доме не
было. В карманах джинсов – оскорбительно-ничтожная сумма. Ни антиквариата, ни драго-

ценностей... К тому же грабители без масок, и я, таким образом, становлюсь свидетелем, а от них после всего избавляются.

Я попытался что-то сказать, но не вышло – какое-то сипение, и всё.

Они стояли надо мной, и казались огромными в полумраке маленькой комнаты. Свет фонаря, попадавший внутрь сквозь щель в шторах, осветил плечо одного из них. На плече лежал погон. На рукаве я рассмотрел какую-то эмблему.

Один из налетчиков наклонился ко мне и спросил:

– Где старик?

Это какая-то ошибка, понял я, и сказал:

– Это какая-то ошибка.

Рука с эмблемой занеслась надо мной, и я зажмурился. И услышал недовольный голос:

– Да постой ты! – И другим тоном ко мне: – Нас интересует Ипполит Игнатьевич Зыков.

Я открыл глаза.

– Только не надо врать, что вы не знаете, кто это такой.

– Я знаю, кто это.

– Где он?

Я подумал, где сейчас может находиться Ипполит Игнатьевич, и пришел к выводу, что, скорее всего, дома. Он всегда там был в это время.

– У себя дома, наверное.

И снова едва избежал тычка в физиономию.

Второй, более терпеливый налетчик, сказал:

– Вам не надо бояться, мы из милиции.

«Оборотни в погонах», – подумал я и, слава Богу, не сказал этого вслух.

– Вас зовут Евгений Иванович Печорин. Вы приезжали со стариком к нам три дня назад.

А-а, ну конечно же!

– Мы приезжали к майору Рудакову.

– Вот-вот, – оживился спокойный милиционер. – Значит, вы помните, как старик, Ипполит Игнатьевич Зыков, угрожал майору Рудакову.

– Нет.

– Что значит, нет?! – взвился психованный мент.

– Ипполит Игнатьевич не угрожал – он уговаривал его. На колени вставал!

– Да, – согласился терпеливый, – мы были при этом. Вошли, застали сцену. Зыков предлагал Рудакову заявить на себя и предстать перед судом.

– Да. А потом я его увез. Вот и всё.

Психованный, заскрипел зубами и прошелся по моей маленькой комнатке изрыгая скверные слова во все стороны. Как бы потом не пришлось переклеивать обои.

Терпеливый продолжил:

– Не всё, очень даже не всё. Есть и еще кое-что. Накануне вашего приезда покалечился – упал с балкона собственного дома и покалечился – другой наш сотрудник, шофер Рудакова.

Я вспомнил, что об этом шла речь в дежурке. Спросил:

– Самоубийство?

– Да какое там самоубийство! Не такой он был человек, Вася Карпец. Но это так, цветочки. А на следующий день после визита старика Рудаков сам попадает под самосвал. Насмерть.

Я пошевелился в кресле, взвесил наручники, от наступившего морального облегчения – понял, что меня все же не убьют прямо сейчас – сильно вспотел.

– Ну а я-то тут при чем?

Терпеливый милиционер медленно закурил, выпустив под низкий потолок облако призрачного дыма. Я сам не курю и не позволяю гостям. Сейчас мне еще было неясно, могу ли я сообщить милиционерам о своих домашних правилах.

– Разумеется, мы не сразу связали два этих факта: визит старика и гибель Рудакова. Но потом связали и решили со стариком поговорить. Что он имел в виду, падая на колени у нас в дежурке? Сначала мы не нервничали. Занервничали, когда выяснилось, что Зыков исчез.

«А-а», – подумал я.

– Мы хорошо искали, мы редко так хорошо ищем, а здесь постарались. Старик исчез. И какой напрашивается вывод?

– Какой?

– Старик что-то знал. Что именно – сказать не захотел.

– Да заказал он Рудака, – буркнул из дальнего угла психованный мент, и я почувствовал, что он пьет мой джин-тоник, открыл воровским способом: без спросу и бесшумно.

– Это слишком радикальная версия. И шофер этого КамАЗа, под который майор попал, на наемного киллера мало похож.

Милиционер осекся, ему не следовало говорить о версиях при подозреваемом.

Меня почему-то очень раздражало самоуправство по отношению к моему джину, и я спросил:

– Скажите, а ваш Рудаков и правда был трезвый, когда сбивал Анну Ивановну?

Рассудительный мент примирительно сел на широкий подлокотник кресла, от него сильно пахло потом и бензином – запах безуспешных поисков.

Я продолжил:

– Согласитесь, это имеет значение.

– Вам придется поехать с нами.

Я дернулся и невольно пихнул локтем терпеливого в бок.

– Это с какой стати?

– Чтобы вы не скрылись, как Зыков.

– Это, это почему... а постановление? Покажите бумаги!

– Да покажем мы вам все что нужно, – вздохнул он, поднимаясь с подлокотника, – собирайтесь. Бакин, дай глотнуть.

– Я не хочу никуда ехать. Я тут, хотите верьте, хотите нет, не при делах. Просто подвез, вернее, свозил. Вы что, думаете, я его соучастник какой-то, что ли?! Я его, если по правде, терпеть не могу. Давно. Просто старость уважил, в горе к тому же.

Они высосали весь джин, передавая банку друг другу, спокойный вытер губы рукавом и сказал:

– Знаете, Евгений Иванович, нам бы не хотелось применять силу. У нас ее много. Лучше добровольно.

– Нет, нет, что-то у вас... Несчастный старик потащился добиваться справедливости, а вы на него хотите все повесить... Жену задавили, а теперь собираетесь его еще и виноватым сделать.

Даже в темноте было видно, как искажаются их фигуры от разрастающейся ярости. Зачем я их злю? Сейчас изувечат, и ничего никогда не докажешь. Россия – страна, оккупированная ментами. И что мне этот Ипполит Игнатьевич? Лучше не перечить. Но тогда придется ехать неизвестно куда, где им, может, еще удобнее будет меня увечить. Надо попытаться как-то отболтаться здесь.

И тут темнота выплюнула мне в лицо психованного мента – его прорвало раньше:

– Ты что, совсем тормозной?! Дед твой был про все в курсе, вспомни разговор в дежурке, гад! Не знаю, сам ли он спихнул Карпеца с балкона, но руку к этому точно прило-

жил, а потом уже к майору, так, мол, и так, не сядешь по-хорошему, – будет по-плохому! А назавтра самосвал, а старика и след простыл. И ты дурку гонишь.

– Не гоню я ничего... Я не понимаю...

Поверить, что старик мог кого-то выбросить с балкона? Чушь явная! Но, кажется, он и в самом деле что-то про это знал. Я судорожно пытался восстановить наш разговор в машине. С чего он вообще так неожиданно сорвался? Да, получил какую-то информацию. Он помчался скорее не мстить, а предотвратить.

– Он хотел спасти вашего майора, – сказал я и сразу же понял: зря. Фраза выглядела так, будто я очень хорошо посвящен в суть произошедшего. На уровне, как минимум, пособника. Неправильно я стал отбалтываться – теперь они меня точно упекут.

– Собирайся, – тихо приказал более нормальный милиционер.

– Почему вы мне тыкаете?! – предпринял я жалкую попытку отстоять свои права. Он не обратил на нее внимания. Он размышлял о своем.

– Лучше держать тебя под рукой, пока мы не поймем этого нехорошего дедушку.

И я понял: все, придется ехать! Конечно, они действуют незаконно, но если я попробую от них удрать (это со скованными руками!), они переломают мне ноги.

Какой-то дурак сказал, что пребывание в одиночке прочищает мозги, мол, каждому порядочному и особенно мыслящему человеку надо хотя бы один раз в жизни побывать в тюрьме. По-моему, такая же чепуха, как заявление, что приумножая знания – приумножаешь скорбь. Насколько бы легче мне сейчас было, если бы я *знал*, что со мной происходит, в какую историю меня запутала судьба.

Ведь не хотел, не хотел никуда я с вами ехать, ненавистный вы мой Ипполит Игнатьевич! И теперь вот я где! Буро-зеленые стены, причем какие-то тошнотворно волнистые, так что падающий чахоточный свет из зарешеченного окошка под потолком откладывается на них бессильными бликами, при одном взгляде на которые становится мучительно ясно – ничего хорошего меня не ждет.

А жуткая дверь в напластованиях серой краски, лязгающая как провинциальная родственница гильотины, сваренная унылым сварщиком в доисторические времена! Стоит одинокому ключу воткнуться в скважину, как возникает такое ощущение, что в камеру ломится спешившийся рыцарь во всех доспехах. Зачем здесь такая безнадежная дверь? Ее бы применять для сдерживания серийных людоедов или предателей, выдающих ядерные секреты родины!

Однако старичок оказался непрост. Никогда бы не подумал, что он способен куда-то вот так взять и исчезнуть. Он был в высшей степени прописанный человек, я уверен, что у него в отдельной папочке хранились все квитанции на квартплату и электричество, и платить он шел в сберкассу прямо в день их получения. На всех выборах он голосовал до одиннадцати утра. Улицу переходил только в строго отведенном месте.

Впрочем, сейчас люди пропадают чаще всего не по своей воле. И если дедушка пропал так, как обычно у нас пропадают, то мне вечно сидеть в этой кубической дыре. А он лежит себе где-нибудь тихонько, зарезанный, в канализационном колодце. Он не четверо красноярских мальчиков, чтобы на его поиски подняли целый город. Хотя, тут у меня блеснула надежда, менты очень, кажется, серьезно заинтересованы в том, чтобы его отыскать. Сами говорили – хорошо ищут.

А если все же сбежал и спрятался?

Где? От кого? Зачем?

Родственники! Опять у меня вскинулась мысль. Должны же быть дети, внуки, внучатые племянники. Друзья нелегкого послевоенного детства. Такие и примут, и скроют.

Я вскочил и подбежал к двери, но по дороге догадался, что уж до этого додуматься могли даже и подмосковные милиционеры.

Отвернулся от двери, и она лязгнула, отворяясь. В проеме стоял лейтенант. Тот вчерашний, вдумчивый. Сейчас у него был усталый вид, за спиной маячил еще один в форме, но не «псих».

– Ну, будем говорить? – спросил лейтенант, дежурно, скучно.

– Я уже все рассказал.

– Объясните, в каких отношениях вы находитесь с генералом Пятиплаховым?

Я подумал – бред продолжается.

– Что, не понял?! В каких отношениях вы находитесь с генералом Пятиплаховым?

– Вы там все с ума посходили! Теперь генерал какой-то. Вы бы лучше поищите родственников старика.

– Уже ищем. А генерала вы такого не знаете?

Я чуть не заплакал от отчаянья – более всего человек бессилен перед чужим безумием. И что вот теперь делать? Я сел на кровать, тупо глядя в стену перед собой.

– Понятно, – сказал усталый лейтенант.

– Я пить хочу и в туалет.

– С чего начнем?

Зачем он спрашивал, у них все это делалось в одном месте. Меня отконвоировали. Я решал по ходу сразу несколько задач. Во-первых, продолжало мучить похмелье, для этого – вода; потом, я надеялся сориентироваться на местности, высмотреть возможность – не надо смеяться – побега, при удачном обороте обстоятельств. Люди вон и из Бутырок убегают. Но это так, фантастика, а реальнее столкнуться с каким-нибудь человеком и прокричать номер телефона, хоть, что ли, Петровича. Пусть уж наконец и меня начинают искать, не только же странному дедушке такие почести!

Удалось лишь напиться.

Когда меня возвращали, лейтенант сказал, что они применяют ко мне необычные методы принуждения к сотрудничеству.

У меня ёкнул весь организм. Пресс-хата, кто не слыхал об этом ментовском изобретении.

Я конечно же не люблю, когда меня бьют, обливают кипятком, вырывают зубы без наркоза. Еще в детстве, читая рассказы про пионеров-героев, про Марата Казея, Лизу Чайкину, Сашу Голикова, испытывал странное чувство, как бы уже совершенного против них предательства. Я знал, что никаких пыток не выдержал бы, и сразу сдал бы, где стоит партизанский отряд и зарыта взрывчатка. Опасался только одного – мои одноклассники догадуются об этом, и прятал глаза. Чтобы скрыть свою природную трусость, я всячески старался геройствовать по мелочам, первым влезал в неопасные драки, брал на себя мелкие шалости, совершенные кем-то в классе. Я был смел, когда точно знал, что от иголок под ногти гарантирован.

Сейчас же мне предстояло в полной мере испытать на себе роль Марата, Лизы и Саши, но без возможности спастись с помощью предательства. Я не знал, где скрывается дедушка.

– Вы что, подсадите ко мне кого-то?

– Как раз подыскиваем кандидатуру, – съязвил лейтенант.

«Он» явился через полчаса.

Лязгнула – в синем полумраке звуки совсем озверели – дверь, и в камеру вплыла непонятных очертаний фигура. В целом скорее человек, чем что-то другое. Я сел на своей лежанке, всматриваясь. Сразу же мне не понравилось, что милиционер, приведший соседа, закрывал рот платком, как во время эпидемии.

Что это? Птичий грипп или свиной?!

Думать дальше мне не пришлось, потому что до меня докатила волна запаха. Давным-давно, в детстве, я прочитал в одной интересной книге про «запах гнилого, горелого, небелкового мяса», так вот, вошедшее пахло страшнее и разнообразнее, еще мочой, блевотиной, экскрементами людей и животных. И оно двигалось на меня, выдувая при каждом движении пузырь из ноздри, который дрожа отсвечивал в свете синей здешней лампочки, а потом исчезал. Прямо Брахма за работой.

Бомжара двигался на меня, и, кажется, собирался со мной обняться. Я вскочил и быстро отступил к стене. Гость невразумительно гугукая миновал меня, пробрел к койке и повалился ноздрями на мою подушку. Он просто хотел лечь. Еще минуту назад я считал, что несчастен, лежал в казенном полумраке и строил версии из обрывков известной мне информации и надежды на завтрашнее освобождение из крупинок собственных возможностей. Кем мне было считать себя сейчас?

Я лишился койкоместа. Второй этаж двухярусной кровати был не застелен, и я не йог, чтобы блаженствовать на колючих тамошних пружинах. О том, чтобы прикоснуться к захватчику, не могло быть и речи. Даже в полумраке было видно, что он склизок, червив, и не только его одежда, а даже воздух вокруг него на метр – сгущенная зараза. К тому же он настолько опошлил мою постель, что выгонять на второй этаж придется вместе с нею. А пружины на нижней койке ничуть не менее злы, чем на верхней. Да и не сможет он никуда забраться, тем более что и не захочет двигаться.

А я еще удивлялся, глупый, как это я в одиночке оказался, почему тут не наблюдается привычной по телевизионным жалобам правозащитников переполненности камер.

Придется провести ночь, сидя на холодном полу и прижавшись спиной к стене. Тоже холодной, кстати. Перспектива была настолько жуткой, что я даже хихикнул от отчаянья. Может, привлечь столь свойственный мне юмор? От этой мысли стало так тошно, что я сразу же стал выпихивать ее из сознания. Это каким же надо быть идиотом, чтобы считать, что юмор может быть помощником в по-настоящему невыносимом положении?

Но я еще не все знал о невыносимых положениях.

Постепенно, лишь постепенно я стал догадываться, что мне на самом деле предстоит.

Запах. Он не заснул вместе с куском разлагающегося человеческого организма там, на захваченной у меня койке, он двинулся на освоение всего объема камеры, а они у нас не слишком, как известно, объемистые. Что себе думает господин Лукин!

Сначала я попробовал не дышать, что помогло, естественно, ненадолго. Я встал, догадываясь, что запах тяжелее обыкновенного воздуха, и распространяется по полу, как лава из вулкана. Вулкан храпел и похрипывал на высоте сантиметров восьмидесяти от земли, миазмы, по моей теории, должны были размазываться понизу, и какая-то часть воздуха вполне могла бы остаться ими не занятой.

Некоторое время мне казалось, что моя теория верна. Ничего, говорил я себе, постоим одну ночь, попереминаемся с ножки на ножку. Но очень скоро я понял, что поспешил радоваться. В совершенно стоячей атмосфере вонь, пользуясь только своими внутренними возможностями, всползла по мне и запросилась в ноздри.

Я повернул голову в сторону, прижавшись щекой к склизкой крашеной стене, хоть на несколько сантиметров увеличить расстояние от заразы.

Следующий этап – зажать ноздри. Почему я никогда не ношу платков?

Рукав пиджака.

Я забился в самый дальний угол, снял свой сильно поношенный блейзер и прижал к лицу.

И в этот момент лежащий издал длинный, как бы членораздельный звук. Потом опять, несколько членораздельнее, чем в первый раз. Скоро я догадался, о чем идет речь. Он говорил всякий раз одно и то же:

– Нарьянма-ар. Нарьянма-ар.

Видимо, малая родина. Или сидел там. По большому счету, меня это не интересовало. И даже не намного ухудшало общую атмосферу в камере. Вонь все же мешала мне во много раз больше, чем пение.

Я отчаянно зарывался лицом в пиджак.

Сколько можно прожить в таком состоянии? Я потерял счет времени. И поэтому не знаю, на сто какой минуте вновь ожила нечеловеческая дверь. Она вдруг образовала в себе окошко и вывалила в мою сторону небольшой квадратный язык.

Они что, собираются меня кормить в такой обстановке?!

Оказалось – хуже.

– Эй, тебе тут звонят. – В окошке появилась рука с телефоном, с моим телефоном. Я проскользнул спиной по стене и протянул руку, но мое говорящее имущество мне не вручили.

– Не положено.

– Тогда, какого черта...

– Я тебе расскажу. Это твой друг. Он говорит, что «ночь тиха, над водой тихо светит луна, и блестит, да-да, понимаю, серебром голубая волна». Понял, да? Он там напевает так тихо, луной любитесь, воздухом дышит на крылечке, понял?

Я, скорчившись у амбразуры, вглядывался в лицо лейтенанта – гримасничает ли он, издевается ли? Нет. Он был серьезен. Продолжал излагать мне телефонное сообщение.

– И свежим обуюн дыханьем, стремлюсь к другим я начинаньям. А это нельзя передавать, не положено. Нет-нет, не положено.

Офицер милиции был одновременно и рупором и цензором. Но ярость моя была не в его адрес, а в адрес Савушки, только ему бы пришлось в голову звонить мне в недра душной ночи со своими виршами о свежести.

Почему я вообще не пошлю как-нибудь этого, почти всегда неуместного гада? С Савушкой мы не видимся годами. Он зовет меня к себе, а я не еду и к себе не зову. Когда-то работали в одной редакции, а до этого учились на журфаке. Он бросил «продажную столичную журналистику» и бежал в «морально экологичные» места, Мстера, Мещера. Он изобрел афоризм о нашей когда-то общей профессии: хорош только мертвый журналист. То есть тот, которого убили, значит, кому-то мешал своей честностью. Он не принимает во внимание, что я-то остаюсь журналистом. Я бы послал его, с его «творческими» ночными звонками, буколическими восторгами, счастливой семейной жизнью. Но было, было у меня перед ним прегрешение. Давнее, случайное, не по моей воле выросшее в проблему. Впрочем, не будем преувеличивать. Если бы я тогда знал, что все так повернется, пальцем бы не шевельнул.

– Что передать твоему другу?

– Передай ему, чтобы он утопился в своей Мещере. Или во Мстере.

Лейтенант добросовестно произнес мое пожелание в трубку. А мне сказал:

– Зарядка кончается.

Я уткнулся лицом в угол камеры, обхватив голову руками, и приготовился умереть.

Но тут дверь лязгнула еще раз, шире, мощнее и отворилась. Милиционер вошел внутрь и молча сковал себя и меня наручниками, и сказал, что мы идем на прогулку.

Абсурдной ситуация мне не показалось, до такой степени я был рад вырваться на свежий воздух. Мы вышли в безвестный дворик, окруженный кирпичным забором со следами колючей проволоки поверху. Светила луна, светила лампочка под железным абажуром, искрился инеем песок, усыпавший дно двора.

Сержант закурил, издали донесся звук удаляющейся электрички. Последняя или первая? Мы двинулись по кругу.

– Дышите глубже, – сказал мой конвойный и затянулся питательным дымом.

Я почти разрыдался от умиления – какая заботливость!

Минут через десять он сказал, что пора обратно, и я чуть не упал в обморок. Я не могу «обратно», я не вынесу! Электричка явно была последняя, а не первая. Впереди бесконечная удушающая ночь.

– А можно не туда?

– Что? – Он даже не посмотрел на меня, и я был рад, что он меня не видит, я знал, как жалок сейчас снаружи.

– Можно меня в какую-нибудь другую камеру?

– Можно. К извращенцам.

Господи, откуда их столько развелось по стране – свободной камеры не найти в районном ОВД.

– А сколько их там? – Я прикидывал, что в случае чего от одного или двух хлипких отобьюсь. И они хотя бы чистоплотные, уж от них-то не будет разить.

Сержант еще раз затянулся.

– Четверо. Такие здоровые. Задержаны за попытку изнасилования олимпийского чемпиона по борьбе.

– А больше ничего нет?

Он лишь вздохнул в ответ.

– Я бы заплатил, – зашептал я. – Но, сам знаешь, откуда у меня, все вынули, но я тебе вышлю, или привезу, когда... Ну не могу я к этому бомжу!

– Понимаю. А под утро он еще и блевать начнет.

Я попытался рухнуть на колени, но конвоир бдительно не дал, приподнял руку. Вдумчиво докурил сигарету.

– Ладно. Но учти: только до утра. Пока начальства нет.

– Ой, спасибо-спасибочки, сколько я тебе, то есть вам...

– Да ладно, что мы – не люди...

Люди! люди!! – восторженно соглашался я, пока меня вели в другую камеру. Зачем на них наговаривают, и я сам, грешен, бывало, наговаривал, да еще как. Что, мол, страна у нас оккупирована ментами, что бойся человека в серой форме, что опричники они. Вот пожалуйста: человек, усталый человек в форме, проникся, пожалел, реально поможет.

Новая камера тоже была двухместной, и условия там тоже были не идеальны. На нижней койке лежал человек в майке и курил. Дым мы перетерпим.

– Здравствуйте, – сказал я и полез на второй этаж, чтобы пасть на матрас – забудемся, быть может, тревожным сном.

– Тебя как зовут? – спросили снизу. Голос значительный, бывалый, и я, хоть мне и не хотелось следить тут своим именем, назвал.

– Выпить хочешь?

Выпить хотелось, я был в том состоянии, когда прошлое опьянение уже схлынуло полностью, но оставило многочисленные шероховатости в нервной системе. Пожалуй, и не заснешь. Одно только тревожило: что угощают в тюрьме. Чем отдариваться в случае чего? У меня прочно сидело в сознании, что тюремные правила заковыристы и поработительны. Вход рубль, выход – два.

Внизу уже булькало, и донесся запах коньяка.

– Слазь.

В камере имелся табурет. Хозяин нижней койки усадил меня напротив и протянул стакан и кусок лимона. Даже в полумраке камеры можно было рассмотреть, что он не выглядит уркаганом и рецидивистом. Ни наколок, ни специфических манер. Просто крупный мужчина в домашней майке и трениках. Почему он на нарах?

А, подумал я, и выпил. Сжевал лимон вместе с коркой. Он тоже выпил.

– Слушай, это из-за тебя тут все с ума посходили?

– Из-за меня, – кивнул я и усмехнулся. Я вдруг стал чувствовать не свою особую неудачливость, а наоборот, свой в каком-то смысле привилегированный статус. Так, наверно, ощущает себя носитель самой редкой болезни в больнице.

– А что ты натворил-то?

Коньяк снова бесшумно маслянисто скапливался на дне стакана.

– В том-то и дело, что ничего! Ни за что закрыли.

– Все так говорят, но так не бывает, чтобы совсем ни за что.

На секунду я замер, понимая, что стал участником какого-то архетипического тюремного разговора. Сколько миллионов людей подобным образом отвечало на подобные вопросы! Но эти родимые пятна рефлексии легко смываются коньяком.

– Бывает. Привез я сюда в отделение старичка, бухнулся он тут на колени перед одним майором, а через пару дней майора того раздавило самосвалом.

Сокамерник тоже выпил.

– Слышал я эту историю.

– Ну вот. Я только шоферил ни сном, ни духом, а меня цап – сообщник. – Я захихикал, прикладывая к виску стакан.

– История какая-то мутная, – задумчиво проговорил человек в майке, откидываясь на подушку. – Меня Николаем зовут.

– Очень приятно.

– Я слышал, там трое человек было в машине?

– В самосвале? – Не понял я.

– Нет, в гаишном «форде».

– А, который Анну Ивановну сбил?

– Трое, и все пьяные. Сильно. – Он смотрел на меня, внимательно прищурившись.

Я выбросил из стакана в рот последние коньячные капли.

– Я с самого начала это знал. Вернее, старик мне сказал, Ипполит Игнатьевич. Он же судиться хотел.

– Да, а ему здесь все перекрыли. Отказывают в возбуждении дела.

Я вздохнул:

– Честь мундира.

– Да какая там честь, на нары никому не охота, вот и отмазывают мужиков. Без этого нельзя. Сейчас их отмазывают те, кого они в прошлом году отмазывали.

– Круговая порука, – опять вздохнул я. Мне еще хотелось коньяку, для полного восстановления гармоничных отношений с внешним миром. Я даже как-то перестал концентрироваться на мысли, что нахожусь в заключении и судьба моя неясна.

– Круговая-то она круговая, только все пошло в этот раз не по тому кругу. У них. – Он снова закурил.

– Да.

– Не куришь?

– Нет.

Он медленно, обдумываясь затягивался.

– Говорят, первым пострадал тот, кто сидел сзади. Он вообще шофер, но ему велели пересесть.

– А, он выпал с балкона. Я слышал, – кивнул я.

– Да. Напился, пошел прогуляться, он на старой квартире жил на первом этаже, и по привычке прямо из окна шагнул на улицу, так ближе к киоску. Переломы, но живой. Через пару дней – Рудаков.

– Это перед ним Ипполит Игнатьевич стоял на коленях.

– Вот-вот, просил старик – сдайся по-хорошему. Не захотел Рудаков, и – вдребезги!

– А третий?

– Что третий?

– Вы сами сказали – их трое было. С третьим ничего не случилось?

Он затянулся.

– Пока не слышно. Пока, я думаю. А старик исчез.

– И они тут почему-то убеждены, что я знаю куда, – сказал я с искренним возмущением в голосе.

– А ты, конечно, не знаешь.

– Да откуда?! Тихий дедок, педант, зануда, я говорил – проверьте, может, к родственникам, к друзьям свалил. Морги, наконец, психушки. Скажите, вот вы сказали «пока», третьего «пока» не тронули, вы что думаете – будет продолжение?

Кончик его сигареты раскалился.

– В машине было три пьяных милиционера. Рудаков вел, он и сбил. Карпец, это тот, что упал с балкона, сидел сзади. Он не спал, но был пьяней всех. Третий сидел справа от водителя, он виноват в том, что заставил Рудакова уехать и не оказывать помощь старушке. Карпец тоже, кстати, на этом не настаивал, на помощи.

– А она была еще жива?

– Врачи говорят, что еще была, часа полтора-два. Наверно, можно было спасти. Вряд ли, но все же.

– Значит, можно было спасти?

– Маловероятно, но кто его знает. Если хочешь еще коньяка, наливай сам.

– Спасибо.

– Вина третьего немного меньше, чем вина Рудакова, но больше, чем вина Карпеца, тебе так не кажется?

– Ну-у, наверно, так.

– Одного насмерть, второй сломал ногу и ребра.

Я молчал, не понимая, куда он клонит. Он задумался. И я вдруг тоже задумался. Мне стала казаться странной такая детальная осведомленность собеседника. Да и коньяк с лимоном в камере – это не норма, думаю, даже в голландской тюрьме. Че-ерт побери! А не влипли я в самую, что ни на есть простецкую ловушку? Я попытался собраться, вспомнить все, что уже успел выложить. Все, что я мог выложить, было выложено. А какова теперь линия обороны?!

Мрачный курильщик вдруг спросил, не глядя в мою сторону:

– Скажи, а откуда у тебя визитка генерала Пятиплахова? Причем ведь не армейского генерала. Ты хоть представляешь себе, что это за служба?

– Какая служба?

Он полез в карман треников и достал маленький бледный прямоугольник.

– Ничего не видно.

Он достал опять же из кармана маленький, как упаковка «рондо», фонарик и ослепительной белой струей впился в картонку. И я тут же ее узнал. Только... Это была точно она – визитка, которую я получил от Пети Плахова на борту теплохода «Китеж», я не мог забыть этого золотого орла в углу. Вот оно что, значит – игра звуков. Я учился с ним не в одной группе, а всего лишь на одном потоке, а вслух будущего генерала все у нас звали по фамилии, а я решил, что по имени и фамилии. Короче, обыкновенная путаница. Как мог, объяснил то, что сам только что понял: мол, странно, что сам раньше не догадался. Ведь у меня подходящий склад ума. Своего кота, например, я называл Дивуар. И тут же подумал – зачем вру? Ведь это можно проверить. Нет у меня никакого кота. Впрочем, как это проверить? Скажу, что кот уже мертв.

Человек в майке слушал внимательно и беззвучно.

– Хорошо, что у тебя при обыске нашли эту визитку.

– Почему?

– Мы подумали, что наши особые службы занялись этим непрым дедушкой. У них, у спецов, все экстрасенсы, все колдуны на учете, все летающие тарелки пронумерованы, понимаешь же, что этим занимаются в государственном масштабе и давно, и тайно. И у нас и в Штатах.

– Их же по телевизору показывают. «Битва экстрасенсов».

– Мусор, показывают то, что не представляет никакой ценности. Для отвода глаз и выпуска пара.

Я был крайне далек от этих материй, и даже, если так можно сказать, по гигиеническим соображениям. Двухминутное общение с рядовым уфологом так загаживает сознание, что лишь пол-литрой можно удалить последствия.

– Ты не задумывался, почему сейчас так много разговоров об инопланетянах – книги, фильмы снимаются, сотни, дети индиго опять же, приорат Сиона, Вольф Мессинг, «человек дождя», нацистская база в Антарктиде, нанотехнологии, клонирование... Все телевизоры забиты.

– Почему? – спросил я, хотя мне было плевать, но я чувствовал, что собеседнику лучше подыграть ради возможной будущей пользы.

Он смачно забычковал окуроч.

– Хочешь спрятать информацию – прячь в информационном шуме. Понятно?

Это было действительно понятно, и я кивнул.

– Вот Интернет... Раньше я думал, что настоящее знание – это реальное знание, секрет нашего мира, это чего нет в Интернете. Сеть – она для дебилов, я считал, а у сильных людей свои способы. А потом как-то понял – все намного проще и гениальнее, тайное знание замешано в гуще других, бесчисленных знаний, тонет в океане мертвой, одноразовой информации. Под видом всеобщей доступности всех знаний мы имеем абсолютное погребение немногих реальных и важных. Если бы мировой секрет лежал в каком-нибудь сейфе на дне моря, его теоретически можно было бы обнаружить и использовать. Как смерть Кашея. А тут – ты можешь стучать по клавишам хоть целый год, хоть тысячу лет, а того, что не положено тебе знать, не узнаешь никогда.

Я пожал плечами. Надо было помалкивать. Иногда такие разговоры угасают сами собой. Но я зачем-то сказал:

– Да-а.

– Но ведь надо же его, это знание тайное, из шума информационного извлекать как-то. Когда нужно, правильно?

Я и с этой мыслью был согласен, и поэтому охотно кивнул.

Собеседник вдруг хищно улыбнулся. Мы подходили в наших рассуждениях к месту и для него самого очень интересному.

– Значит, нужен какой-то код. Код, с помощью которого дешифруется этот самый шум и вышелушиваются зерна из плевел.

Слово «вышелушиваются» далось ему не без труда.

– Но что тогда получается? Опять тот же секрет, тот же сундук с Кашеевой смертью. Только другого рода. Суть одна. Замкнутый логический круг. Надо признаться, я затосковал.

Он хотел снова закурить, но раздумал.

– Потом, вдруг – озарение! Нет кода! Нет секрета! Нет ничего такого, что может уместиться в одной голове, понятно.

Было не очень понятно, но я на всякий случай кивнул.

Собеседник все же закурил. Выдохнул дым.

– Это как с мировым правительством. Сеть – просто модель, информационная модель мира. Тайное знание, скрытое в сети – аналог мирового правительства, тайно правящего миром.

Я выпучил глаза, чтобы не усмехнуться, а выглядело так, будто я потрясен.

Николай посмотрел на меня строго, как бы проверяя реакцию. Я кивнул: мол, слушаю, слушаю, и внимательно. Он помедлил немного, давая паузой почувствовать, что сообщит важное.

– Понятно, что мировое правительство имеется. Но это не шайка миллиардеров определенной национальности, собравшихся в каком-то кабинете для обсуждения темы «Как мы будем управлять миром».

– А что это? – Я выглядел, очевидно, очень наивным, но мне и в самом деле было интересно, как работает мировое правительство.

Человек в майке еще раз выдержал паузу, чтобы я окончательно мог проникнуться ответственностью момента.

– Мировое правительство – это не ложа какая-нибудь занюханная, не совет директоров сверхкорпорации. Это очень подвижная, из тысяч людей состоящая система, в которую входят и финансисты, и умники университетские, и политики, и народные вожди, и продвинутые журналисты, и философы и так далее.

Я считал себя довольно «продвинутым» журналистом, но никогда не ощущал, что чем-то правлю.

Сосед продолжал:

– Суть в том, что эти люди и в самом деле управляют миром, но иногда даже не знают об этом, о своем участии в команде. Не знают, что в какой-то момент вошли в нее, и не замечают, что выпали. Они все вместе формируют мировой курс развития, но никому не гарантировано постоянное место в этой команде, тем более – место координатора. А она, эта команда, рассыпана по всему миру: там и корейский банкир, и йельский профессор, и немецкий промышленник, и миланский кутюрье, и Егор Гайдар в какой-то момент. Они могут друг друга никогда и не увидеть, и даже не знать о существовании друг друга. Пульсирующая, огромная интеллектуально-духовная плазма. И выпавшие из команды еще долго надувают щеки, являясь всего лишь скорлупой бывшего члена мировой элиты. Главное – никто из них самих ничего не знает наверняка, могут только догадываться, чують. Всякое масонство – чушь! Оболочка. Ширма.

– Да? – спросил я, чувствуя что-то вроде вызова. Как это, простите, чушь?! Нас столько этим пугали и развлекали, а какой-то мужик в трениках отменяет все масонство одним махом!

Он вздохнул:

– Масонство – это ритуал, это объявленное, закрепленное членство и так далее. Такая же чушь, как ротари-клубы, Римские клубы, союзы там всякие. Жискар д'Эстен поругался со своими масонами, потому что отказался ехать в их ложу, чтобы приниматься в члены: я президент, и хочу, чтобы во дворце. Анекдот!

– А-а, – сказал я, потому что в этом месте подразумевалась моя реплика.

– Вся суть в том, что никто как бы не принимает глобальных решений. Глобальные шаги складываются из тысяч мелких шажков, которые иногда могут делаться и в сторону от смутно ощущаемой основной линии. Но в результате потом все суммируется в одном глобальном действии. Центр везде и нигде. – Он чему-то криво усмехнулся и быстро добавил: – И власть эта – действующая, а не воображаемая сила.

Я понимающе закивал.

– И вы решили, что в случае с Ипполитом Игнатьевичем мы имеем дело с частным случаем проявления этой самой... силы?

Выходило здорово: Ипполит Игнатьевич – член мирового правительства.

Человек в трениках навел на меня световую струю своего фонарика и несколько секунд молчал – что за следовательские манеры? Потом выключил свет и сказал тихо:

– Именно так.

Уровень опьянения во мне понижался, и я начинал рассматривать картину, обнажаемую отливом. Дяденька был, конечно, интересный, но с несомненными тараканами в голове. Остается только понять, почему у него здесь такие коньячные привилегии. И что бы это могло значить для меня.

Хозяин камеры вдруг заговорил снова и с какой-то новой энергией:

– Когда я увидел твою генеральскую визитку – очень разволновался. Смотрю, к этому очень-очень непростому делу с наездом на старушку протягивает руку такое наше ведомство. Значит, есть какие-то шансы. Столкновение двух сил. Когда рубят лес, у некоторых щепок есть шанс улететь подальше и спрятаться в траве.

Совсем он меня замучил своим образным мышлением. Но я решил терпеть до какого-нибудь конца.

– Оказывается, ты всего лишь одноклассник.

– По институту. Один поток. Я даже не знал, что у него такая длинная фамилия. Петя и Петя, а фамилия Плахов. – Зачем-то повторил я уже изложенные объяснения.

– Жаль.

– Вы же только что сказали, что это хорошо, что у меня эта визитка.

Он кашлянул, кажется, у него такой смех.

– Для тебя хорошо. Иначе бы тебя по-другому спрашивали. Не вонючими бомжами прессовали, а как следует.

Понятно.

– Но если это такая, м-м, пытка, то зачем меня вывели подышать?

Он опять кашлянул.

– Через два часа человек перестает ощущать запах так остро. Вообще не замечает. Ему надо дать продышаться, и тогда для него главный кошмар – возвращение в душегубку.

– А тут еще коньячок, язык и развязался? – усмехнулся я.

Он сел на койке.

– Только ничего интересного ты мне не рассказал. Я даже не знаю, может, ты меня переиграл. Молотишь тут под какого-то идиота. Хотя, мне, по правде, все равно. А дело, между прочим, серьезное. Не мое только личное, хотя и мое тоже, так уж получилось, но и глобальное. Что-то такое начинается. Понятно?

– Понятно.

– Ты там передай Плахову или Пятиплахову, что я, подполковник Марченко, даю ему наводку на очень, очень интересную тему. Этот дедушка Зыков совсем не прост. Ведь когда он умолял Рудакова сдаться, он ничего не сказал про Карпеца, не предлагал ему тоже покаяться. Значит, что? Значит, уже знал, что с ним произошло. И знал, что произойдет с Рудаковым. Знал! Представляешь, что он вообще может знать?!

Я об этом раньше не думал, а теперь подумал – ведь и правда, тут что-то есть. Ипполит Игнатьевич сказал, что получил какой-то сигнал, теперь понятно – какой? Он знал. От кого? Дедушка, кажется, на самом деле превращается прямо в Старца Горы.

– Такие информированные дедушки не исчезают просто так, да еще после таких спектаклей, как у нас в ОВД. Чтобы ты не забыл мою фамилию, дам тебе свою визитку.

– И меня отпустят?

– Отпустят, только учти, что ты под наблюдением, поэтому сбежать, прятаться, не советую. Скажи, скажи генералу, ему будет интересно со мной встретиться. Я такой подполковник милиции, какие не везде бывают, ты ведь понял.

– Да. – Я так обрадовался, что готов был согласиться с любым его заявлением.

– И если дед – это их дед, намекни мне. По-человечески прошу. Меня лучше иметь как союзника. Я хоть и в камере сижу, а далеко гляжу. Очень сильно могу навредить. Тебе-то уж точно!

Я взял его визитку, в груди собирался клубок нервного смеха – я не хотел иметь подполковника даже как союзника. Я попытался скрыть рвущийся изнутри смех вопросом:

– А электронная почта? Здесь только телефон.

– Я не пользуюсь компьютером, – веско сказал Марченко. – Надежный способ не быть под колпаком.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно. Сядь, я тебе еще кое-что втолкую.

* * *

На площади перед зданием Казанского вокзала царила обычная суeta. Кто-то приехал, кто-то уезжал, носильщики ловко выруливали в толпе, медленно расхаживали пузатые таксисты, крутя ключи на указательном пальце, вяло приставали к прохожим цыганки, кто-то ел хот-дог, запивая пивом под навесом киоска, мимо полз троллейбус, обгоняемый легковушками.

В этой картине обыкновенной суеты можно было выделить несколько маленьких групп по два-три человека, мужчины и женщина с огромными полиэтиленовыми пакетами в одной руке и какими-то пластиковыми карточками, похожими на удостоверение, в другой. Они стояли, переговариваясь, но при этом внимательно отслеживая ситуацию на площади. Время от времени один из них отрывался от разговора и хищно подлетал к человеку, только что вышедшему из вокзальных дверей. Это был приезжий, его легко можно было опознать по чемоданам в руках, осторожной повадке – первый раз в столице, надо осмотреться. Этому очередному гостю города совалась в нос карточка и начиналась стремительная рекламная трель про то, что первый телеканал (или третий или двенадцатый) начинает рекламную акцию, вот тут все реквизиты, телефоны, всегда можно позвонить, и вы, дорогой гость столицы, можете сейчас немедленно приобрести нужные и ценные товары по значительно, в честь этой акции, сниженным ценам.

Гость ставил чемодан на асфальт, и в освободившиеся руки ему тут же из пакета «работника канала» начинали выкладываться разного рода коробки. Фены, утюги, тостеры, наборы ножей, электрочайники, электробритвы и так далее. Выкладывание это сопровождалось неостановимой болтовней, подавляющей всякий росток сомнения, могущий возникнуть в голове гостя. Наоборот, нагнеталось ощущение, что ему чрезвычайно повезло, и он прямо сейчас, даже не отойдя от вокзала получит все что ему нужно, и по сильно-сильно заниженной цене, поскольку – акция!

Некоторые пытались сопротивляться, приводя какие-то аргументы в пользу того, что им все предлагаемое кажется и не слишком-то нужно, но все эти попытки сопротивления подавлялись бодро, быстро, и уже надо было расстегивать кошелек, чтобы закрепить счастье выгодной покупки.

Сомнения возникнут минут через пять-шесть после совершения сделки, потом они станут крепчать, а когда ошарашенный покупатель найдет розетку, проверит качество приобретенных вещей, он поймет, что его обдурили. В лучшем случае, ему всучили если и работающие, то сильно устаревшие модели, да еще по цене в полтора раза выше магазинной.

Местные милиционеры занимают такое положение на этой площади, чтобы каким-нибудь образом случайно не оказаться свидетелем совершающегося мошенничества.

Эта площадка работает давно, немногим меньше, чем площадка ММВБ, превращение наивности одних в прибыль других – процесс вечный.

В этот майский день в ее размеренной, малозаметной, но довольно прибыльной работе произошел сбой. На троллейбусной остановке припарковались две «девятки» неброского цвета, из них выскочили семь или восемь человек с дубинками и молча проникли в редкую вокзальную толпу. Их действия поражали своей координированностью, хотя не слышалось никаких команд. Без всякого предупреждения они обрушили свои дубинки на спины «представителей телеканала», коробки с «призами» полетели на асфальт, послышались крики, недоуменные, испуганные, одна из мошенниц завизжала. Толпа множественно замерла, стараясь определить источник опасности. Первыми сообразили, что делать именно «телевизионщики». Видимо, сознание того, что они занимаются бизнесом незаконным, было не полностью задавлено внутри, и в момент «икс» сработал инстинкт застуканного вора – они рванули в разных направлениях, крича, что характерно, – «Милиция! Милиция!». Милиция, само собой, не думала принимать эти крики на свой счет, считая, что вопит какая-нибудь никому не интересная пензенская бабушка с десятью всученными ей китайскими утюгами на руках.

Дело было кратким, как операция Суворова. Десятки растоптанных коробок на казанском асфальте, семеро забившихся в кровавых соплях за палатки с мороженым и сосисками мужиков и теток. С удовлетворенным взревом уносящиеся с площади победоносные «девятки».

Мне сказали, что это – старость, когда я пожаловался как-то, что меня тошнит, если вижу в поезде метро целующуюся парочку молокососов, особенно если зафарширован вплотную к ним в колбасе переполненного вагона. Мне пытались внушить, что передо мной бушует сама молодость, неукротимые игры гормонов. Они раздражаются там, где наступают, и надо приветствовать все это негигиеничное, неаппетитное безобразие, потому что это сама природа проявляет так свою неисчерпаемую мощь, вечно возобновляемый праздник плоти.

Сначала я устыдился: может, и правда ветшаю и во мне говорит зависть к подвигам, на которые я сам уже не способен?

Вранье! Во-первых, прекрасно способен. Но не это главное. Вот сейчас я вынужден нависать над целующейся парочкой. Женская половина ее (парочки) вызывает не вожделение и не зависть к ее партнеру. Ну, честно, я даже на исходе своего пятого десятка, и в середине второй бутылки водки ни за что не подпустил бы это бледное, прыщавое, в торчащих непромытых волосях эмо к своей койке. А он (партнер), полноватый с пухлым, заостренным, зажмуренным личиком, запустил ей под майку растопыренные короткопалые лапы и жадно обладает ее лопатками. И методично раз за разом повисает то на губе у нее, то на подбородке клейким, сползающим поцелуем. Ей-богу крот, доедающий изможденную Дюймовочку.

Потно, душно, неловко. У всех остальных хотя бы есть возможность смотреть в сторону, а мне для этого надо сломать себе шейные позвонки.

Почему не целуются в транспорте парочки *красивого* молодняка?

И никакая это не непреодолимая страсть. Хотя он лепит и лепит свои поцелуищи, а она подернула зрение белесыми веками в перегруженных тушью ресницах. Обыкновенный праздник самоутверждения. Паренек, судя по всему, впервые в жизни вступил в права обладателя, и теперь всему миру, роль которого играет сейчас этот душный вагон, показывает, что у него есть, есть женщина, полностью находящаяся в его власти. Как он страдал, когда его не принимали всерьез, а теперь он всем докажет! Он самец! Что до этой белорыбицы, изобращающей почти обморок от нахлынувших чувств, то ей просто ничего другого не остается.

Где еще найти другого согласного настолько серьезно взяться за нее при ее-то ассортименте прелестей.

Нет, пытаюсь на себя накричать, это все похмелье выкручивает эти корявые, невротические фразы. Еще бы мне не переполняться мозговой рвотой, после целой ночи в компании с тяжелым коньяком и слишком вдумчивым подполковником.

Да, подполковник оказался человеком, начитанным понемногу, но во многих областях, к тому же он был поражен тяжелой, разветвленной мыслью. Вроде и дураком однозначно не назовешь, но его было жаль. Казалось бы, собирай дань со своих постовых, отправляй на субординационном лифте наверх начальству его долю и радуйся. Так нет, подполковник Марченко непрерывно размышлял о природе вещей и их загадочном движении. Но все же именно милиционер главенствовал в его менталитете. Он повторил мне три раза, что переломал бы мне все кости, если бы не генеральская визитка; так же три раза напомнил, что подозрение с меня не снято и меня могут в любой момент притащить в ту же вонючую дыру, невзирая даже на ту самую визитку. Но при этом он искренне и всерьез рассчитывал, что я проникнусь нарисованной им картиной мира, стану искренним его соратником. По мнению подполковника, мир этот был уже даже не на краю, а одной ногой в бездне. Один из слонов, поддерживающих мироздание, сдох. Какой-то непостижимый заговор вступил в фазу практической реализации, только всем на это наплевать. Даже тем, кто по долгу службы, как генерал Пятиплахов, обязаны принимать какие-то меры. Раскрыть этот заговор по установленным правилам невозможно, поскольку нельзя выяснить личность заговорщиков, хотя повсюду разбросаны мелкие приметы, знаки, подсказки. И это высшее, хотя и трагическое наслаждение – распознавать эти знаки и читать их.

Таких «мыслителей» я конечно же встречал и прежде, и во множестве. И научился оставаться непромокаемым под ливнями их аргументов, но подполковник был случай особый. Я чувствовал себя все же до некоторой степени во власти этого вдумчивого офицера, и мне почему-то было бы неприятно считать, что должностное лицо, имеющее возможность переломать мне все ноги, представляет собою законченного кретина. Он искал знаки катастрофы в окружающем мире, а я с такой же тщательностью намывал песчинки здравого смысла в его болтовне.

А вдруг подполковник где-то как-то прав?

Испокон веку люди кричали, что послезавтра будет конец света, но ведь когда-нибудь он все же произойдет.

Прежде я придерживался на этот счет, как мне казалось, здоровой точки зрения. Есть большая нескромность в том, чтобы считать, что такой пышный спектакль, как Апокалипсис, устроят именно для нас, убогих. Для меня, для Петровича, для Любаши с ее гостиничными потугами, для стервы Нинки, с ее вечной погоней за денежным или престижным мужиком. Не для Софокла, не для Шекспира, не для Баха, не для Толстого с Эйнштейном и не для Леонардо (вот бы порадовался старик). Что-то ужасно провинциальное есть в этом поджидании всеобщего конца. Хронологическая местечковость. Но ради подполковника Марченко я чуть релятивировал свою позицию. Как громадные тяготеющие массы заставляют то самое время течь как-то криво, так и большие милицейские авторитеты влияют на течение мыслей в головах людей от них временно зависимых.

Нет!

Моя шея отказалась мучиться дальше. Голова вернулась в естественное положение. И я теперь нависал словно из губернаторской ложи провинциального театра над сценой неутолимого интима. О, эти чужие слизистые оболочки... И я довольно громко спросил:

– Вы не скажете, который сейчас час?

Мой нос был в десяти сантиметрах от потного виска сопящего крота. Он не отреагировал на мое вторжение. Размышлял. Впрочем, почему же не отреагировал, – он перестал рабо-

тать губами. Интересно, что будет? Полезет драться? Основания для этого есть, я вторгся в приватный процесс, но вместе с тем он же сам придал ему максимально публичный характер. Мы все вместе находимся в общественном месте, и главное, в очень стесненных обстоятельствах. Кроме того, вторгся я, строго говоря, не хамя, а как бы по необходимости. Вот если бы я спросил: как пройти в библиотеку? – это было бы издевательством, но вдруг у меня и правда нужда в точном времени – таблетки принимаю по часам?!

Из этой в высшей степени жизненной ситуации нас выручила Дюймовочка. Она все время перед этим обнимала партнера руками за шею, и в одной из них был мобильник. Она ткнула в клавиатуру большим пальцем и сообщила:

– Без двадцати одиннадцать.

И тут же поезд затормозил, на этот раз выход был справа, и я вышел. Почему-то довольный собой.

Петрович выслушал мой рассказ исподлобья, не перебивая. Он сидел в крутящемся кресле, вцепившись большими работающими руками в подлокотники. Обычно он любил описывать полукруги вправо-влево, как бы рассматривая сообщаемую новость то с одной стороны, то с другой. Сейчас его как будто пригвоздило. Неужели жуткость моего рассказа? Я вспомнил о неприятных его переговорах на «Китеже», пожалуй, мне бы не стоило лезть к нему со своими интересными глупостями. Банкротство – это круто. Не то что пропавший чужой, неприятный дедушка.

Впрочем, духа уже состоявшейся катастрофы я в офисе не почувствовал. Все так же пилились в плоские мониторы работницы, секретарша бойко трещала в телефонную трубку. Коробок с вещами никто не выносил. Только вот мою табличку сняли. Опять стало немного обидно. Старый друг пожертвовал мною в первую очередь. Я попытался напомнить себе, что это он же давал мне работу два последних года – просто вынул ее как фокусник из воздуха и подарил, но благодарность – не то чувство, которое можно переживать до бесконечности.

– Ну и что? – спросил Петрович равнодушно. – Взяли подписку о невыезде?

– Нет. Следствие-то не возбуждено. Но мне от этого не легче. Почему-то.

– А я тебе объясню почему.

– ?

– Твой подполковник – он был третьим в той машине, которая сбила бабку. – У меня широко открылись глаза. Нет, мне и самому приходила в голову эта мысль, но как до нее смог, и так сразу, додуматься отвлеченный Петрович. Голова! – Иначе бы он так не рыл землю. И не сидел бы в камере.

Конечно, конечно, Марченко и сам упоминал о третьем. Но о третьем ничего не мог знать Ипполит Игнатьевич. Это и понятно. Третий, видимо, случайно примазался к экипажу, обычно состоящему из двух человек. Выпили вместе после службы, или что-то в этом роде. Решили подвезти подполковника до дома. И его сразу же, как начальника, «отмазали» на самом первом этапе. Просто не вписали даже в фальсифицированный протокол. Но он-то вину свою чувствует и не хочет отвечать, как Рудаков и тот второй, Карпец. Тогда надо разобраться с ролью дедушки. Он «мстит» только двоим, только штатным членам экипажа? Только вписанным в протокол? Ведь о третьем старик не заикался. Но Марченко все равно боится. Чего, спрашивается? Что старик со временем докопается и до факта его присутствия в пьяной машине? И узнает об отвратительной роли инициатора бегства с места преступления. А может, уже и знает. Становясь на колени перед Рудаковым, он подразумевал и Марченко.

В любом случае, подполковник уверен, что Ипполит Игнатьевич действует по каким-то пока неведомым каналам.

Ничего не скажешь, фигурка получается зловещая – наш разъяренный вдовец. Зная его доскональный характер, я был уверен, что он будет докапываться до самых мелких деталей правды. Не верилось только, что у разгромленного горем пенсионера отыщутся силы для осуществления исчерпывающей и трудноорганизуемой мести.

Но было еще и такое соображение: действует не старик, а какая-то сила, а он, наоборот, не хочет, чтобы она действовала. Он же просил Рудакова – покайся! И Марченко, судя по всему, о чем-то таком догадывается. Он боится не Ипполита Игнатьевича, а того, чего и сам старик боится.

Сказать по правде, подполковника мне было не жалко, пусть бы даже им руководил и страх смертельной угрозы, нависшей над ним. Я вспомнил свою газовую камеру, позорные панические вспышки, тягучую тревогу, до сих пор еще не утихшую. И подполковник с его многословными, назойливыми разоблачениями мирового заговора, стал даже как-то отвратителен, я не презирал его только потому, что все еще боялся.

Мы немного пообсуждали с Петровичем обстоятельства этого, прямо скажем, диковского дела и неприятной ночи, но было видно, что товарищ мой, включая свой сильный оперативный ум, большей частью сознания участвует в каком-то другом консилиуме.

– Не хочешь – не говори, но что с тобой, Петрович? Лица нет, глаза больные.

Он кивнул.

– Родя.

– Опять?

Сын Петровича. Двадцатилетний, стодвадцатикилограммовый парень, сорок восьмой размер шнурованных ботинок, камуфляж, бритая голова с узкой полоской растительности ото лба до затылка. Родя был одним из лидеров расовой группировки, чистил подвалы и теплотрассы города от таджикских бомжей. Отцу время от времени приходилось выцарапывать его из застенка, куда он попадал из-за своей деятельности. После каждого такого скандала он неделю сидел дома за компьютером и играл в шахматы, он был мастер спорта, что очень трудно было предположить, глядя на его кулаки. Шахматные фигурки должны были бы разбегаться в ужасе от этих пальцев. Через неделю его опять тянуло в живое дело. В последний раз они подожгли бытовку узбеков в какой-то промзоне в Бирюлево. Отцу пришлось заплатить очень много денег, чтобы он не сел на скамью.

– Хуже, – сказал Петрович.

– Что, извини, убил кого-то?

Он отрицательно, но нерадостно покачал головой.

– Себя решил зарезать.

– Непонятно.

– Да сам пока ничего не понимаю.

Договорить нам не дали, вошла секретарша и мягко сказала, что меня ждут. Что? Меня ждут двое в моем кабинете. Да? Я обрадовался. Клиенты? Нашли даже без вывески, не заросла еще тропка!

Петрович махнул мне рукой – иди, мол. Он явно жалел, что заговорил о сыне. Ничего, захочет – расскажет потом.

Я влетел к себе, напевая, и выглядел наверняка глупо, особенно в глазах тех, кого в кабинете застал. Нина и Майя. Что это еще такое?! До «моего» дня еще было...

– В чем дело?

Нина была в платиновом парике, как смазливая дурочка из рекламы «орбит». Выражение лица у нее было решительное и презрительное. Майка рылась в моем компьютере, чего я не терплю – любое вмешательство со стороны подмешивает немного чуждой психики в его характер.

– Значит, так, – сказала Нина, прикоснувшись к своему волосяному шлему. – Обстоятельства изменились.

– Меня не интересуют твои обстоятельства.

Она и не подумала вступать в полемику.

– Теперь ты будешь видаться с Майей чаще. Не бойся, условия договора не меняются, а только видоизменяются. Все сверхурочные работы будут оплачены.

– Да? – спросил я, но, кажется, она не заметила иронии в моем тоне. Тогда я подошел к рабочему столу и оторвал от него Майку, увезя прямо в кресле в угол кабинета.

– Да. За каждый переработанный день, два дня отнимается от моего отпуска.

После этого она встала, и, не дожидаясь моего согласия или хотя бы мнения на этот счет, вышла вон. Походка у нее была такая, что слышалось цоканье каблучков даже сквозь весь здешний ковролин.

– Почему от тебя так противно пахнет? – спросила вежливая девочка.

Ничего не отвечая, я обследовал свой шкаф и холодильник. Удивительно, содрав табличку с входной двери, Петрович не тронул ничего внутри кабинета. Осталась в целости упаковка яиц, кипятильник и железная немецкая кружка, где их можно было сварить. Мама-покойница утверждала, что кружку в качестве трофея принес с войны ее сосед по коммуналке. Не сильно разжился на разгроме Европы этот освободитель. Неужели был таким же принципиальным, как Ипполит Игнатьевич?

Майка наблюдала за мной из угла. Время от времени жадно поглядывая в сторону компьютера. Хрен тебе, возможная дочь!

Я налил в дедову кружку старой, слежавшейся воды из графина, положил туда два яйца.

– Будешь? – Спросил у Майки просто из вежливости, она охотно кивнула. Значит, варим четыре яйца. В пакете нарезанного хлеба в холодильнике осталось несколько кусков. Будем есть горячие яйца с холодным хлебом.

– Насыпь соли в воду, – сказала она.

– Что?

Майка терпеливо объяснила мне, что это делается для того, чтобы они, если есть трещинка, не вылезли белыми грибами в кипящую воду. Я знал, что ее совету лучше последовать – проверено. Только откуда у этой наглой девчухи такие кулинарные познания? В позапрошлый раз она заставила меня заварить чай не крутым перекипевшим кипятком, а только-только начавшим рождать буруны, и вышло явно вкуснее. Секрет хорошо заваренного чая не только в количестве заварки и не только в ее качестве, но и в правильно приготовленной воде.

Пока ходил в бухгалтерию за солью, все бился над мыслью, откуда в простом, хамоватом подростке столько полезной информации, и про аллигаторов она все знает, и про кулинарию.

Да, вот еще что важно. Эти ее маски вроде как чередуются. То она кулинарка, то она энциклопедистка. Она никогда не путает яйца с крокодилами. Такое впечатление, что ее определенным образом программируют, перед тем как сбросить на мою шею.

Вообще-то надо бы это прояснить. А вот сейчас и проясним.

Когда я вошел, формулируя проникающий вопрос, она болтала с кем-то по телефону. Вмешательство в мои телефонные порядки меня раздражает не меньше, чем фамильярничанье с моим компьютером. Это мог быть клиент.

– Тебя, – протянула она трубку в мою сторону.

Я бросил салфетку с солью на стол, и она частично по нему рассыпалась.

– Здравствуй! – голос был неприятный и очень знакомый. Мне даже расхотелось есть.

– Узнал?

– Узнал, – сказал я упавшим голосом.

– Подполковник Марченко, – тем не менее представился он. – У тебя телевизор далеко?

- Близко.
- Так ты включи его.
- Сейчас. А он уже включен.
- Посмотри – третий канал – что там делается в районе Носовыхинского шоссе.

Я посмотрел, в районе Носовыхинского шоссе было интересно. Там рядом с огромным митингом обманутых дольщиков фирмы «Строим вместе» произошел взрыв. Взорвался какой-то непонятный автобус. Рванул так, что все в клочья. Самое интересное заключалось в том, что автобус был гружен деньгами. По крайней мере их было там очень много. Мешки с миллионами. Не инкассаторская машина, просто микроавтобус «Мерседес». Взрывом большую часть денег расшвыряло по округе.

– Ты что-нибудь понимаешь? – мрачно спросил подполковник.

– Пока ничего.

– Вот ты сейчас садись и езжай туда.

– Зачем?

– Поедешь и расспросишь, что к чему. Что за деньги? что за митинг? кто организовал? кто пострадал? Видишь, там передают, что есть раненые. Кто эти раненые? Какова судьба денег? Видишь, пишут, что после взрыва обманутые дольщики не долго были в шоке. До приезда милиции очистили от рассыпанных денег территорию. А милиция, находившаяся на месте, участвовала в очистке.

– А мне-то что там делать?

– Я же тебе сказал: твое дело – разведка. Перепиши имена всех, кого ранило, разузнай, откуда автобус, что за взрыв!

– Не понимаю...

– Я сам пока еще ничего не понимаю, но уже кое о чем догадываюсь. Сам бы сгонял, но ты знаешь мое положение. И не зли меня. Твой Пятиплахов – он далеко, а я вот он, хотя и в укрытии.

Майка подбрасывала на ладонях яйца, как картошки из костра:

– Сейчас почищу.

К месту взрыва нас, конечно, не подпустили, да я и не сильно прорывался. Мы побродили вокруг вдоль натянутых ленточек. Я попросил Майку снять меня на фоне дома с названием подходящей улицы, пригодится для отчета перед подполковником. Мы решили перекусить, вернее, Майка решила, у меня все еще ее правильно сваренное яйцо стояло в горле. Она же требовала почти непрерывного кормления. Мы взяли горячие булки с серыми сосисками в заведении под названием «Русское бистро. Экспресс». Художник изобразил на вывеске мордатого усатого гренадера из времен войны с Наполеоном. Майка занялась булкой, я рассматривал вывеску. Еще пару дней назад сделал бы профессиональную стойку и полез за фотоаппаратом. Тут был явный состав преступления против культуры. «Бистро» – по затрепанной легенде – это приказ русского конного оккупанта парижскому трактирщику: мол, давай обслужи меня с максимальной скоростью. Отсюда якобы и пошло название закусочных ускоренного питания. Но вот слово «экспресс» в данном случае мне кажется явным перебором. Это уже предполагает обслуживание со скоростью торта в морду. Я вздохнул и не достал фотоаппарат. Не было сейчас во мне профессионала.

– А дедушка нашелся?

Я отрицательно помотал головой. Девочка прикончила еду и желала общаться. Она весело облизывалась.

– Ты знаешь, из чего делают соевые сосиски? – спросила она.

– Стой, мне надо позвонить. – Я не врал – подумал, что неплохо бы расспросить Сагдулаева насчет этой истории со взрывом финансового автобуса. Наверняка к ним уже посту-

пили хотя бы интересные слухи. Мне хотелось получше подготовиться к разговору с подполковником. А что разговор предстоит, я не сомневался.

Сагдулаев оказался недоступен.

– Так надо же что-то делать! – сказала Майка.

Наверняка мой взгляд был и пустым и отсутствующим.

– Вот, – она достала из кармана куртки сложенную газету. – Помнишь?

Я взял: теплая, затертая газета. «МК».

– Поедем поговорим с ними.

– С кем?

Она предлагала пообщаться с музыкантами, избитыми на прошлой неделе в подземных переходах метро. Зачем? Во-первых, ей это было почему-то очень интересно. Она ждала новой встречи со мной, потому что «они» никто не согласился с ней этим заниматься. А одну ее не отпускают.

– Кто это «они»?

– А, не важно, – махнула она рукой.

– Но я тоже не хочу этим заниматься.

– Но надо же что-то делать. Можно поехать искать дедушку.

– И ты знаешь, где его искать?

– Да.

Я кивнул: говори!

– В том доме с вышкой.

Я вспомнил дом с вышкой и, надо сказать, ничего безумного в предположении девчонки не увидел. Если вся остальная поверхность нашего незнания о том, где он находится, была идеально гладкой, то в этом месте явно ощущалась микроскопическая шероховатость. «Почему мне самому это не пришло в голову?» – обычно говорят в таких ситуациях. Я ничего не сказал. Не дал Майке возможности подрасти в собственных глазах. С ней и так непросто. А уж с загордившейся, хапнувшей лидерство в нашем тандеме, намучаюсь. Но, с другой стороны, надо все обдумать: что за домик? Князь там какой-то мутный, Кувакин, сталинская шарашка, – уже набор для небольшого борща... Но, в самом деле, не сунешься же прямо сейчас к воротам – тук-тук, а не спрятался ли здесь у вас некий странный дедушка?

Надо подумать.

Попозже и вместе с компьютером. А девочку так и так надо чем-то занять.

– Поедем.

– К дедушке? – Она вскочила как какая-нибудь супервнучка.

– Нет, к музыкантам. Какой там поближе?

Она бросила взгляд на потертый газетный лист.

– Переход с Театральной на Охотный ряд.

За целый день работы мы нашли четверых.

Первый стоял на вершине длинного пологого подъема, по которому, тихо шаркая, брели с разной скоростью пассажиры. Он стоял перед распахнутым на полу футляром, и мастеровито наглаживал скрипку длинным смычком.

Я бросил червонец в кучку монет и мятых бумажек и остановился, дожидаясь конца композиции. Он сразу же оборвал исполнение и уставился на меня подозрительным взглядом.

– Что вам угодно?

Худой, длинный, очень похожий на скрипача скрипач.

– Я из газеты.

– На тебя было нападение, – тут же торопливо добавила Майка.

Ему явно не хотелось отвечать. Дурацкая история, чепуха какая-то. Ну, налетел вдруг какой-то мужчина. Кричал не по-нашему.

– Он вас ударил?

– Да нет, перед носом махал кулаками. И все кричал что-то по-итальянски, кажется. Или по-испански. И одет странно.

– А откуда он взялся?

Скрипач пожал плечами. Он не мог объяснить. Он не смотрит на идущих мимо, когда играет, часто глаза просто закрывает, чтобы сосредоточиться. Может, этот крикун выскочил из-за спины, а может, отделился от толпы, что плывет навстречу.

– И чем все кончилось?

– Да ничем. Я отвернулся и снова стал играть. Он выругался...

– По-нашему? – быстро спросила Майка.

– Н-нет, но было понятно, что выругался, драться лез.

– Да-а?

– Да ерунда. Ну, нос немного разбил. И его увели. Два милиционера, у них там дверь. Вон. – Он махнул смычком перед собой.

– Понятно, – сказал я, тоскуя от бессмысленности всего этого.

– А как одет? Ты сказал, одет был не так, – влезла снова Майка.

– Ну, странно. – Скрипач потрогал концом смычка щеку. – Черный балахон от шеи до ног. Только грязный очень, вернее – оборванный. Старое все, заношенное.

Это было непонятно, но переспрашивать было лень.

– А что это вас так заинтересовало?

– А кучу музыкантов в тот день побили, – ответила музыканту Майка.

– Меня не побили.

– Спасибо, – сказал я.

Указанная милицейская дверь была закрыта, чему я втайне был рад.

В переходе с Белорусской кольцевой на радиальную, возле суровых партизан никто в этот день не играл, хотя «МК» определенно указывал, что тут был инцидент. Неужели закончившийся трагически для исполнителя? Майка не приняла моей шутки, ее это расследование занимало всерьез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.